Эдуард Иванов, Дарья Буймова. УШАКОВ

(трагикомедия в двух действиях)

Действующие лица:

УШАКОВ Фёдор Фёдорович

ВАСИЛИЙ – матрос на яхте «Счастье», далее – денщик Ушакова

ФИЛАРЕТ

ГОЛЕНИЩЕВ-Кутузов Иван Логгинович **–** генерал-казначей Адмиралтейств-коллегии

ЧИНОВНИК Адмиралтейств-коллегии

ЕКАТЕРИНА Великая

ПОТЁМКИН Григорий Александрович

АЛЕКСАНДР Николаевич – лейтенант на яхте «Счастье», далее он же капитан-лейтенант

ТИХОН

МАРИЯ Ивановна – молодая девушка

ЕЛЕНА Назаровна – гувернантка Марии, дама в возрасте «второй молодости»

ПОМОЩНИК КАМЕРДИНЕРА императрицы

Французский полковник Ройе, секретарь чиновника, фрейлины, придворные, камер-лакеи, российские офицеры, матросы, крестьяне, «чумная команда» – казак и несколько каторжан.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена 1

Санкт-Петербург. Июнь 1779 года. Адмиралтейств-коллегия. Кабинет. Голенищев дремлет в кресле. Заходит Чиновник.

ЧИНОВНИК. Иван Логгинович… Иван Логгинович, проснитесь.

ГОЛЕНИЩЕВ. Что такое?.. А, это вы… Что случилось, голубчик?

ЧИНОВНИК. Там капитан-лейтенант Ушаков Фёдор Фёдорович ожидают. По вашему распоряжению.

ГОЛЕНИЩЕВ. Да, да… Помню, помню… Зови.

Чиновник уходит. Затем возвращается в сопровождении Ушакова.

ЧИНОВНИК. К господину генерал-казначею Адмиралтейств-коллегии Ивану Логгиновичу Голенищеву-Кутузову!

ГОЛЕНИЩЕВ. Что ты, голубчик, так кричишь? Не на палубе! Совсем оглушил!

ЧИНОВНИК. Так положено… По циркуляру.

ГОЛЕНИЩЕВ. Иди. Мы сами. *(Чиновник уходит.)* Здравствуй, Фёдор Фёдорович. Проходи.

УШАКОВ. Рад видеть вас в добром здравии, Иван Логгинович… Не пойму, почему к вам? Отчёт о последнем походе в срок сдал. За каждую копейку отчитался. Или ошибка какая?

ГОЛЕНИЩЕВ. У тебя? Ошибка? Я тебя другим в пример ставлю. Педантичен, как голштинец. Даже придраться не к чему… А ты, голубчик, чувствую, грезишь новыми походами? Думаешь принять командование новым кораблём?

УШАКОВ. Готов идти в новое плавание! Любой приказ исполню!

ГОЛЕНИЩЕВ. Молодец! Вот и хорошо. *(Вручает Ушакову бумагу.)* Вот тебе, голубчик, ордер. Иди, исполняй.

УШАКОВ *(ознакомившись с ордером)*. Лес?! Осмотреть?! Ничего не понимаю.

ГОЛЕНИЩЕВ. Да, да… Внимательнейшим образом… Настоятельно необходимо осмотреть.

УШАКОВ. Лес?! И это мне, боевому офицеру! Я прошёл Балтийское, Азовское, Чёрное, Северное, Норвежское и даже Белое море! Всю Средиземноморию обходил! А меня, словно какого-то мичмана, смотреть чёрт знает что?!

ГОЛЕНИЩЕВ. Ничего не изменилось. Как порох вспыхиваешь. Гардемарином на экзамене… Помнишь? В шляхетном кадетском… Когда ты на преподавателя осерчал… Как его? Запамятовал… Про линейную тактику спорил. Очень повеселил. Так разошёлся. Что ты! Куда бежать, прятаться!.. Как порох… Небось, розгами получил?

УШАКОВ. Нет. В тёмной отсидел… Вы простите меня, Иван Логгинович, что я тут…

ГОЛЕНИЩЕВ. Ничего, Фёдор Фёдорович. Бывает. (*Звонит в колокольчик. Входит чиновник.*) Голубчик, угости-ка нас с господином капитан-лейтенантом чаем. И рому не пожалей. (*Чиновник уходит.*) Вот что я тебе скажу… Для нашего корабельного дела нет ничего главнее леса. А кто может разобраться в его качестве? Тут нужен человек сугубо морской и честный. Да, голубчик мой, честный и неподкупный. Сейчас много желающих на казённых заказах капиталец сделать. А Отечеству корабли нужны! Поэтому Светлейший князь Григорий Александрович тебя и присоветовал нам на это дело.

УШАКОВ. Сам Потёмкин? Откуда он меня знает? Мы, кажется, не встречались с ним.

ГОЛЕНИЩЕВ. Этого, голубчик мой, я не знаю… Ты, в своё время, на Дону корабли строил. Успел полмира обойти. Может, где заприметил. Пусть у него один глаз, да шибко зоркий… Куда он запропал? (*Звонит в колокольчик. Входит чиновник.*) Голубчик, что насчёт чаю?

ЧИНОВНИК. Почти поспел, Иван Логгинович. Извольте немного обождать.

ГОЛЕНИЩЕВ. Фёдор Фёдорович, торопишься куда?

УШАКОВ. Никак нет.

ГОЛЕНИЩЕВ. Мы обождём. (*Чиновник уходит.*) А расскажи-ка, голубчик мой, что пригодилось из наук кадетских в морских походах, а что якорем на дно пошло?

УШАКОВ. Наипаче ваш совет. До сих пор им пользуюсь.

ГОЛЕНИЩЕВ. Интересно, интересно, что я такого прокаркал.

УШАКОВ. Когда станете капитанами, господа гардемарины, наипервейшая ваша забота – продовольствие. Горячая еда и свежая вода будут не всегда. Вяленая рыба, бочковая солонина и сухари – вот основа. Матрос намучается, вымокнет, отстоит вахту на ветру, замёрзнет – его накормить надо, желательно повкуснее, напоить, обогреть, да взбодрить, чтоб в уныние не впал. Помню, возмущался – получается капитан нянька для матроса.

ГОЛЕНИЩЕВ. А сейчас как думаешь?

УШАКОВ. Я и нянька, я и отец родной. Не злыдень, но и не кулёма. Дисциплина и уважение. От расторопности моих матросов жизнь корабля зависит. А значит и моя.

ГОЛЕНИЩЕВ. Эх, Фёдор Фёдорович, побольше бы нам таких капитанов.

УШАКОВ. Золотые слова! А вы мне ордером в морду – лес смотреть!

Чиновник приносит чашки с чаем, расставляет.

ГОЛЕНИЩЕВ *(отхлебнув из чашки)*. Ух, какой крепкий чаёк. Аж глаза на лоб.

ЧИНОВНИК. Сами сказали – не жалеть. Я и не пожалел. (*Пробует чай.*) Однако.

ГОЛЕНИЩЕВ. Фёдор Фёдорович, почаёвничай… Сам-то как к морскому быту?

УШАКОВ. Ох, ну и чай у вас!.. Вообще к таким крепким напиткам я отрицательно… А к походному быту привык. Нравится, когда по-простому, без затей.

ЧИНОВНИК. А качка? Я так и не смог обвыкнуться.

УШАКОВ. Ни качка, ни заплесневелая вода, ни солонина нутро не выворачивают.

ЧИНОВНИК. Поэтому в морской корпус пошли, а не в сухопутный?

УШАКОВ. Нет. Сухопутный отцу был не по карману. Он лишь до сержанта лейб-гвардии Преображенского полка дослужился.

ГОЛЕНИЩЕВ. Вот что я вам скажу, дети мои… Соратники по морскому делу… Морская служба трудная. Поэтому охотников к ней весьма мало. Вы сами, с Божьей помощью, на свои плечи сию ношу взвалили.

ЧИНОВНИК. Иван Логгинович, может, капель медикуса? У вас снова лицо раскраснелось.

ГОЛЕНИЩЕВ. Не надо капель! К чёрту капли!.. О чём я?.. Так вот, братцы, Россия – морская держава. Ещё наши предки на своих ладьях к Царь-граду ходили. Щит им на врата прибили. Затем, правда, всё прокашляли… И почему Чёрное море, которое в давние времена именовалось Русским, до сих пор без флота отечественного пребывает? Не потому ли, что кто-то не желает содействовать его созданию? Лес не желает выбирать.

УШАКОВ. Вот это манёвр, Иван Логгинович! Значит это я во всём виноват?!

ЧИНОВНИК. Ещё чайку?

УШАКОВ и **ГОЛЕНИЩЕВ** (*одновременно*). Наливай!

Сцена 2

Двор Санаксарского монастыря. Появляется Ушаков. Из кельи выходит отец Филарет, закрывает дверь на ключ.

УШАКОВ. Примут ли на ночь глядя? Увижусь ли с настоятелем сегодня?.. Эй, уважаемый!

ФИЛАРЕТ. Ищете кого?

УШАКОВ. Я к своему дяде, отцу Феодору. Хотел повидаться, посоветоваться да благословение получить. Я – капитан-лейтенант Фёдор Фёдорович Ушаков.

ФИЛАРЕТ. Вам никто не сказал?! Ваш дядя пять лет как на Соловках. Сослан.

УШАКОВ. Как?! За что?!

ФИЛАРЕТ. История неприглядная. Если вкратце – оклеветали отца Феодора, этого святого человека и моего благодетеля. Виновники наказаны. Господь скор оказался на справедливую расправу с клеветниками. Если отцу Феодору будет угодно, он сам вам при встрече или в письме поведает. А мы молимся, чтобы он скорее вернулся к нам.

УШАКОВ. Да, огорошили вы меня… Как вас?

ФИЛАРЕТ. Отец Филарет. Живописец этой обители. По совместительству – кастелян.

УШАКОВ. А я думал, быстро обернусь. Чтоб на утро возвратиться. Я там по казённым делам. Вот и посоветовался с дядей. На Соловки и подавно не смогу. Где я и где Соловки.

ФИЛАРЕТ. Оставайтесь. Отдохните с дороги. Келий свободных много. Может, трапезничать желаете? Я распоряжусь. Попрошу братьев, чтобы…

УШАКОВ. Не беспокойтесь, отец Филарет, я в дороге что-то поклевал. В этом деле я не прихотлив. Да и поститься за ради Господа для меня не в тягость, а в радость… Но я как-то не ожидал такого… Даже немного растерялся… Простите.

ФИЛАРЕТ. Может, я помогу? Поделись, сын мой, болью своей, расскажи. Отца Феодора я тебе не заменю, но, Бог даст, может, советом помогу.

УШАКОВ. Вы, гляжу, отец Филарет, мне ровесник, а уже в монастыре душу спасаете да за весь грешный мир молитесь. Может, и мне оставить суету мирскую? Лишь Богу служить. Жизнь-то, можно сказать, прожита. Мне тридцать пять годков. А ничего, ничегошеньки не достиг. У некоторых товарищей моих и награды боевые, и звания, и должности в Адмиралтействе… Господи, что я говорю! Стыд-то какой!

ФИЛАРЕТ. Никто тебя здесь не осудит.

УШАКОВ. Ничего же не получается! Может, сразу надо было в монахи, как дядя? Когда из деревни в Санкт-Петербург в морской корпус поступал – я и моря-то не видел. А увидел, и оробел. Такое огромное! Величественное! Как небо! Бескрайнее! И я по небу этому земному на крохотном кораблике. А сейчас словно медведь по лесам. И такая обида берёт. А впереди ничего путного не видать, сплошной лес… Служу честно, по совести – не ворую, никого не обижаю, увеселений себе не позволяю. Пока они по кабакам, я с книгами. Они пьют-гуляют, а я… У одних ордена да звания с должностями… А за что?

Разве справедливо? Я из кожи вон лезу, чтоб исправно служить, а меня словно нет, не замечают. Ни одной медальки не дали. Да Бог с ними, с медальками! Ещё эта копоть от обид душу пачкает. Думаете – не понимаю? Всё понимаю. Только отмыться от этой мерзости не могу. Лишь сильнее в ней мараюсь... И так стыдно всё это сознавать.

ФИЛАРЕТ. Море – как небо земное… Интересно… Красиво.

УШАКОВ. У меня ничего, кроме флота, нет. Ни семьи, ни карьеры. Да и не надо ничего… На что жизнь потратил? Она скоро закончится, а я будто ещё готовлюсь к ней.

ФИЛАРЕТ. Думаете, скоро закончится?

УШАКОВ. А чего думать? И так всё ясно. Может, и мне последние дни в затворе прожить, в молитве да строгом послушании? Как думаете, отец Филарет?

ФИЛАРЕТ. Что ж, сын мой, мысли о монашестве похвальны. Радостно слышать, что ты задумываешься об этой стезе. Помнишь, как в Книге Иова? Бог каждому даёт испытания. Но ничего чрезмерного – каждому по силам. У тебя – одни, у твоих товарищей – другие. Значит, не мог Он доверить им твои экзамены – испытать терпением, гордыней, завистью да смирением.

УШАКОВ. Нет у меня зависти! И гордыни нет!

ФИЛАРЕТ. Вижу. Просто мне показалось.

УШАКОВ. Ох, вот ведь… Да что я за человек-то такой… Простите меня, отче.

ФИЛАРЕТ. Ты погоди себя казнить… Вот келья отца Феодора. Как он отбыл, так в ней никто и не живёт с тех пор. Но там всё чисто, опрятно, ни пылинки. Даже свечи есть… Вот ключ. Ступай, помолись да совета у Господа попроси. Авось и управит.

УШАКОВ. Благословите, отец Филарет.

ФИЛАРЕТ. Благословляю… Коли рано уйдёшь, дверь закрой, а ключ на пороге оставь.

Отец Филарет уходит. Ушаков пытается отпереть дверь, но та не открывается.

УШАКОВ. И открыть не могу… Или я замок испортил?.. Может, через окно? Нет, как-то не по-людски… Ну и дела… Помолился, посоветовался… Анекдот моей жизни – вот ключ от двери, но ты её не откроешь. Вот диплом морского корпуса, но ты не нужен российскому флоту в качестве капитана… Может, позвать кого? Так ночь. Совсем темно стало. Ни фонаря, ни свечки… Костёр развести?.. Ага, особенно посреди монастыря. Не дай Бог спалю обитель. Или братию напугаю – зарево увидят, панику поднимут, прибегут, а тут я: «Здравия желаю, господа монахи»… Господи, Ты же видишь меня! Посоветуй – что делать?.. Какое небо здесь глубокое. А звёзды-то, звёзды! Красота. Как ночью на море в штиль. Смотришь вдаль, смотришь. И уже не знаешь – где небо кончается и начинается море. Словно летишь. Под тобой звёздное небо и над тобой звёздное небо. И звёзды мерцают, словно свечи. Свечи под куполом самого огромного Храма. Ну, конечно! Зачем келья, когда вот он – дом Бога! Вот свечи! Я у Него в гостях. Стою в Храме и смиренно прошу совета.

Появляется отец Филарет, в руках фонарь и корзинка с едой.

ФИЛАРЕТ. А я не выдержал. Чего, думаю, гостя голодным оставлять. Чем богаты, как говорится… А почему не заходите? Или уже погостили-помолились?

УШАКОВ. Нет. Я замок сломал. Дверь открыть не могу.

ФИЛАРЕТ. Дайте-ка ключ… А дверь-то открыта. (*Толкает рукой дверь – та открывается.*) Воистину, враг человеческий коварен – заставил человека ломиться в открытую дверь!

УШАКОВ. Какой же я несуразный… Хорошо, дядя меня сейчас не видит.

ФИЛАРЕТ. Ну, ну, будет над собой измываться.

УШАКОВ. Медалек захотелось! Обидели дитятко, обнесли вниманием! Службой Богу решил прикрыться, в монастыре укрыться. А в миру-то Богу служить сложнее?

ФИЛАРЕТ. Сложнее, сын мой… Так сложно, что почти невозможно… Соблазнов там – море. Это, брат-моряк, стократ сложнее. Нужно стать настоящим капитаном, чтоб провести свой корабль сквозь шторм мирских страстей.

УШАКОВ. Именно! Именно так!.. Я и Отечеству служить толком не начал.

ФИЛАРЕТ. А ты будь стойким, Фёдор Фёдорович! Даже когда сомнения, соблазны и горести начнут вокруг тебя бесовские танцы – будь стойким! Веди свой корабль!.. Страшно, конечно, страшно! Но взгляни, чего ты страшишься. И нет страха. Ибо страх – это воображение, морок князя бесовского. А твой защитник – само Могущество, Создатель всего. И кто против тебя, если Он с тобой? Однако светает… Помолись. Вздремни немного. А затем в путь.

УШАКОВ. А я-то целую философию из-за этой двери… Которая не заперта.

ФИЛАРЕТ. В последнее время начал замечать, что Господь не только не приветствует уныние, а всячески благоволит добрым шуткам.

УШАКОВ. Точно, точно!.. Помню, у нас неподалёку от Гибралтара случай был…

Сцена 3

Санкт-Петербург. Август 1780 года. Яхта «Счастье».

Явление 1

Голенищев и Чиновник стоят возле трапа.

ЧИНОВНИК. Может, вам в тенёк, Иван Логгинович?

ГОЛЕНИЩЕВ. Нет. Когда ещё случай представится косточки погреть? Свежий воздух. Солнце. Яхта-красавица. Тишина… Думаешь, сразу кричать начнёт?

ЧИНОВНИК. Нет. Сразу не поймёт… Потом нам икаться будет.

ГОЛЕНИЩЕВ. А может ему понравится?

ЧИНОВНИК. Может. Этот Ушаков немного не от мира сего… Робею я его.

ГОЛЕНИЩЕВ. Ну, голубчик мой, это слишком… А вот и он.

Появляется Ушаков.

УШАКОВ. Здравия желаю, господа.

ГОЛЕНИЩЕВ. Здравствуй, Фёдор Фёдорович. (*Чиновник поклоном приветствует Ушакова.*) Гадаешь, к чему такая срочность? Да ещё здесь – на яхте матушки-императрицы? Но прежде хотел тебя похвалить за расторопность. Лес подобрал на совесть.

ЧИНОВНИК. Да, очень хороший лес. И так быстро.

ГОЛЕНИЩЕВ. Да, быстро. Очень его ждали на юге. И дождались. Молодец! Сам Светлейший тебя хвалил, расхваливал… Посему считаем…

ЧИНОВНИК. И Светлейший князь в том числе.

ГОЛЕНИЩЕВ. Да, и Светлейший… Голубчик, поздравляю! Ты достоин этого назначения.

УШАКОВ. Какого?

ГОЛЕНИЩЕВ. Я не сказал? Будешь командиром яхты «Счастье». Принимай красавицу!

УШАКОВ. Красивая, спору нет. Но я не достоин занять такой важный пост.

ЧИНОВНИК. Достойны, очень достойны. Сам Потёмкин выхлопотал для вас это место.

УШАКОВ. Я могу отказаться?

ЧИНОВНИК и **ГОЛЕНИЩЕВ** (*одновременно*). Нет.

ГОЛЕНИЩЕВ. Что ж, Фёдор Фёдорович, приступай к обязанностям… Всего тебе хорошего. А мне к медикусу. Здоровье в последнее время… А вы, голубчик, введёте капитана в курс дела. Счастливо оставаться. Я за вами карету на набережную пришлю. Позже.

ЧИНОВНИК. Спасибо, Иван Логгинович. (*Голенищев покидает яхту.*) Сразу хочу предупредить, Фёдор Фёдорович, я плохо переношу боль.

УШАКОВ. Что это значит?

ЧИНОВНИК. Это значит – я не выношу рукоприкладства.

УШАКОВ. Я сам противник этого метода.

ЧИНОВНИК. Правда?.. Ох, гора с плеч… Сразу предупреждаю…

УШАКОВ. Я же сказал – бить не буду.

ЧИНОВНИК. Я о другом… Императрица на яхте хочет чувствовать себя свободно – как пассажир. Поэтому рапортами ей не докучать. Были случаи, когда она изволила пригласить капитана яхты к столу.

УШАКОВ. Вот уж лишнее.

ЧИНОВНИК. Как показала практика – вы правы… Надеюсь, этикету обучены? Вилкой, ложкой умело работаете? В зубах ножом не ковыряете?.. Стоять! Я предупреждал – никакого рукоприкладства… Многие карьеристы вам сейчас завидуют… Но вы боевой

офицер – это я помню… Кстати, помните вашего однокашника Гавриила Голенкина? Почти целое лето на вашей должности был. Только не на «Счастье», а на «Петергофе». Ещё двое из вашего выпуска – Яков Карпов и Николай Хвостов. Тоже были.

УШАКОВ. Странно. Все отличные офицеры… А Коля Хвостов, помню, такой щёголь и льстец. Уж ему самое место.

ЧИНОВНИК. Он продержался почти год… Предлагаю осмотреть яхту.

УШАКОВ. Такелаж и рангоут – безукоризненны. Снасти – надёжны. Паруса – любо-дорого посмотреть. Чистота и порядок. Ни пылинки. Медные части сияют… А что за богатыри в ливреях у кают стоят?

ЧИНОВНИК. Это камер-лакеи. Они здесь везде. Правда незаметны. Следят за чистотой и порядком в царских покоях… К вашей команде они не относятся.

УШАКОВ. Не корабль, а чёрт знает что! Зеркала, фарфор, ковры… И запахи чужие, не морские – духи, пудра, цветы.

ЧИНОВНИК. Зато спокойно. Скоро осень. Вряд ли императрица пожелает на прогулку. Да, без дела скучновато, но… Позвольте, я вам команду представлю.

Чиновник и Ушаков уходят.

Явление 2

Звучит печальная мелодия флейты. Появляются двое матросов – Василий и Тихон. Они натирают медные детали. Входит лейтенант Александр Николаевич.

ТИХОН. Вторую неделю в свистульку дует. Так и свихнуться можно. А, Василий?

ВАСИЛИЙ. Ась?

ТИХОН. Вторую неделю, говорю, свистит!.. Свихнуться, говорю, можно.

ВАСИЛИЙ (*вынимает затычки из ушей*)**.** Да, хорошая музыка… Только жалостливая.

ТИХОН. Я говорю, две недели свистит! С ума, говорю, сойти!

ВАСИЛИЙ. Нам с ребятами не мешает. Я себе и своим молодцам вон чего сделал – из фитилей. Господин лейтенант разрешил, боцман выдал. Так что пусть свистит, кручинится. Лишь бы не буйствовал… Верно говорю, господин лейтенант?

АЛЕКСАНДР. Правильно, Василий. Ох, как я понимаю капитана. Сколько месяцев на якоре. Да ещё перед Зимним, словно на сцене в театре.

ВАСИЛИЙ. А по набережной барышни – смотрят, любуются нашими красавцами офицерами.

АЛЕКСАНДР. Да… То есть нет… Я хотел сказать, что… Я другое хотел сказать, Василий.

ВАСИЛИЙ. Барышни любуются… А говорить с ними затруднительно. Далеко. Не докричаться. Наши-то господа офицеры ещё ничего, через рупор мысль свою до барышень могут донесть… И то лишь в виде короткого приказа… А бедные барышни? Даже если

весь свой пыл на крик употребят, до «Счастья» долетит лишь писк. Поэтому нет никакого полноценного общения, одна сплошная пантомима.

ТИХОН. Музыка у него всегда жалостливая. Хоть бы раз чего весёлое свистнул.

ВАСИЛИЙ. Тебе, Тихон, боцмана мало? Этот виртуоз на дудке такие посвисты устраивает… А капитану я бы на балалайке подыграл. Но не положено.

АЛЕКСАНДР. Да, этот строгий. С таким не забалуешь. Говорят, собственноручно может высечь, если осерчает… Хотя врут… Скорее всего, врут.

ВАСИЛИЙ. Нет, Александр Николаевич, точно врут. У него глаза добрые.

ТИХОН. Шлюпка!.. К нам!.. Сигналят!

АЛЕКСАНДР. Я к капитану!.. А вы трап отдайте!

Матросы спускают трап. Мелодия флейты обрывается. Появляется Ушаков. По трапу входят Помощник камердинера в сопровождении камер-лакеев. Они ловко выгружают на палубу посуду, провиант, скатерти, цветы.

ПОМОЩНИК КАМЕРДИНЕРА. Вы капитан Ушаков Фёдор Фёдорович?

УШАКОВ. Так точно.

ПОМОЩНИК КАМЕРДИНЕРА. Так, действуем быстро, по-военному… Её Величество желает прогуляться. Распорядитесь – команду в парадную форму. Скоро прибудут. Всё… А вы что застыли, господа? Первый раз? Это – в каюту императрицы, это – к фрейлинам, это – на камбуз… И живо, живо, живо!.. Капитан, не смею вас более отвлекать.

УШАКОВ. Боцман! Свистать всех наверх!

Ушаков уходит. Пищит боцманская дудка. Стук каблуков. Громкие команды. На палубе в парадной форме появляется лейтенант. Мимо пробегают одетые в парадную форму матросы. Василий и Тихон останавливаются возле трапа. Все в ожидании.

АЛЕКСАНДР. Третий час ждём… Даже волноваться устал.

ВАСИЛИЙ. Её Величество добрая. В прошлом году каждого из нас монетой пожаловала. Форму и выправку похвалила… Идут! К нам идут! Катер со штандартом!

АЛЕКСАНДР. Спустить трап! Построиться для встречи Её Императорского Величества!

Матросы выстраиваются в шеренгу. Появляется Ушаков в парадной форме. По трапу на борт яхты поднимаются Екатерина и Потёмкин.

УШАКОВ. Смирно! Её Императорскому Величеству – виват!

МАТРОСЫ (*хором*). Виват! Виват! Виват!

ПОТЁМКИН. Идём к Петергофу.

Ушаков, сняв шляпу, кланяется. Екатерина и Потёмкин приветствуют Ушакова кивком, уходят. За ними следуют фрейлины и придворные.

УШАКОВ (*радостно*). По местам стоять! С якоря сниматься!

АЛЕКСАНДР. Поднять паруса! Курс галфвинд!

Матросы и лейтенант убегают.

Явление 3

Ушаков – на палубе. Темнеет. Из трюма слышны музыка, смех. Появляется Потёмкин.

ПОТЁМКИН. Вот он, красавец, мой протеже… Ушаков Фёдор Фёдорович.

УШАКОВ. Так точно, Григорий Александрович! Не имел чести быть вам представленным.

ПОТЁМКИН. Без церемоний. Давно за тобой наблюдаю. Нравится, как ты Отечеству служишь. Ну, как тебе на «Счастье»?

УШАКОВ. Премного благодарен, Григорий Александрович. Хотя больше пользы Отечеству, Её Величеству и вам на другой стезе принёс бы. Сейчас на юге флот возрождается. Я более морской офицер, чем придворный. Мне бы туда.

ПОТЁМКИН. Понимаю. Но мне и здесь надёжные люди нужны. А ты надёжный и честный офицер… А чем ты в свободное время занимаешься? Как отдыхаешь?

УШАКОВ. От служения Отечеству, Её Величеству и вам, Григорий Александрович, свободного времени не имею и отдыхать не намерен!

ПОТЁМКИН. Ай, какой молодец!.. Хитёр… А теперь говори – как есть.

УШАКОВ. Извожу матросов игрой на флейте… Карты составляю навигационные. Читаю. Но книги быстро заканчиваются… Поэтому музицирую.

ПОТЁМКИН. Что последнее читал?

УШАКОВ. Зотова, «Разговор у адмирала с капитаном о команде».

ПОТЁМКИН. Поди полезное чтение для капитанской должности?

УШАКОВ. Для капитанской всё проштудировал. Изучаю для адмиральской.

ПОТЁМКИН. Ай, молодец, хорош… Так держать!

УШАКОВ. Ваша Светлость, если там, на юге, будет место на боевом корабле, вспомните обо мне… Я готов! Я за Отчизну постоять хочу!

ПОТЁМКИН. А здесь кого прикажешь оставить? Потерпи, хотя бы годок. Устал от вашего капитанского драпа. Потерпишь?

УШАКОВ. Так точно! Потерплю! Любой ваш приказ выполню!

Потёмкин и Ушаков уходят. Шум в каютах стихает.

Явление 4

Тихон появляется на палубе, зажигает фонари. Входит Ушаков.

УШАКОВ. Какая склянка?

ТИХОН. Шестая, Ваше высокоблагородие.

УШАКОВ. Какого чёрта не бьёшь?

ТИХОН. Не велено.

УШАКОВ. Ты что, матрос?! Кем не велено?! В своём уме, братец? Уж не пьян ли?

ТИХОН. Никак нет! Трезв!.. Камердин императрицы велел.

УШАКОВ. Камердин? Камердинер!.. Устав важнее всех камердинеров вместе взятых! Не им писано, не ему и отменять! Бей, как положено! (*Тихон бьёт в рынду шесть раз.*) Её Величество на борту, а тут уставом пренебрегают! Безобразие!

Появляется Екатерина с лампой в руках, в чепчике и в ночном платье. Ушаков снимает шляпу и кланяется.

ЕКАТЕРИНА. Что случилось, господин капитан?

УШАКОВ. На яхте всё благополучно, Ваше Величество.

ЕКАТЕРИНА. А почему колокол? Пожар?

УШАКОВ. Нет никакого пожара. А колокол… Это склянки… Ну, склянки… Каждые полчаса на всех судах вашего флота переворачивают песочные часы и бьют в колокол.

ЕКАТЕРИНА. Зачем?

УШАКОВ. Чтобы все на корабле знали точное время… Для отсчёта вахт, при измерении скорости судна… Много для чего.

ЕКАТЕРИНА. Почему раньше не били?

УШАКОВ. Их всегда бьют, Ваше Величество.

ЕКАТЕРИНА. Я не слышала.

УШАКОВ. В уставе прописано. Его ещё император Пётр Первый составил. С тех пор так.

ЕКАТЕРИНА. И ни разу не меняли?

УШАКОВ. Ни разу.

ЕКАТЕРИНА. Устав – дело важное… К тому же Пётр Первый… Что ж, продолжайте бить ваши склянки. Теперь я спокойна… А если накрою голову подушкой, то смогу уснуть.

Екатерина уходит.

ТИХОН. Мы, Ваше высокоблагородие, когда императрица изволит отдыхать на яхте, никогда склянки не бьём. Вас, видимо, не предупредили… Говорят, после казни самозванца Емели Пугачёва она резких звуков стала бояться… Видимо, не предупредили.

УШАКОВ. Не предупредили. А ты почему, Тихон, толком объяснить не мог?

ТИХОН. Как можно капитану перечить?.. Дальше-то бить?

УШАКОВ. Сказала бить, значит, бить. Только ты не громко… Пальцем. Вот так… И звук сразу гаси. Глядишь, и выспится Её Величество. Ей тоже отдыхать надо.

ТИХОН. Слушаюсь!

Ушаков уходит.

Явление 5

Появляется Василий, тушит на палубе фонари.

ТИХОН. Василий, думаешь, снимут? Неделя прошла. А тишина. Может, оставят?

ВАСИЛИЙ. Эх, Тихон, уже сняли. Приказ сегодня пришёл. Вещи в каюте собирает.

ТИХОН. Осерчал?

ВАСИЛИЙ. Нет. Улыбается. (*Появляется Ушаков, ставит возле трапа связки с книгами*.) Всё-таки отставка, Фёдор Фёдорович?

УШАКОВ. И не просто отставка, а перевод. В Херсон. На Черноморский флот.

ВАСИЛИЙ. Так нет пока такого!

УШАКОВ. Ничего, Василий, будет! Бог даст, быстро управимся!

ВАСИЛИЙ. Какой вы счастливый, господин капитан… Даром, что списаны со «Счастья».

УШАКОВ. Опять каламбуришь, Василий? Молодец! Хороший ты матрос, ладный.

ВАСИЛИЙ (*падает на колени*). Батюшка, Фёдор Фёдорович! Не оставь сиротой! Пожалей! Возьми с собой! Верой и правдой служить буду!

УШАКОВ. Да что ты! Что ты, братец! Встань с колен-то.

ВАСИЛИЙ. Не оставь, батюшка, Фёдор Фёдорович! Я тут с ума сойду! Я и шить умею, и кашеварить. Читать и писать умею. И считаю хорошо. И по дому всю работу могу. И на балалайке, коль с флейтой заскучаешь. И моряк не последний – своё дело крепко знаю.

УШАКОВ. Ну, поднимайся, поднимайся… Незачем всё это.

ВАСИЛИЙ (*поднявшись с колен*). Фёдор Фёдорович, вам на новом месте обязательно денщик понадобится. А тут и искать не надо – вот он я, свой, флотский.

УШАКОВ. Добро, Василий. Похлопочу.

ВАСИЛИЙ. Спасибо вам! А то мне эта жизнь на виду у барышень — вот где!

УШАКОВ. И в барышнях разбираешься?

ВАСИЛИЙ. Если в уставе не прописано, то нам, на этих барышень, и времени жалко тратить. Нам бы лоцию до Гибралтара полистать, в памяти освежить все глубины.

УШАКОВ. И в лоциях силён?

ВАСИЛИЙ. Конечно! Любимое занятие!.. После балалайки.

Сцена 4

Херсон. Июль 1783 года. Мария Ивановна в сопровождении Елены Назаровны прогуливаются по берегу.

МАРИЯ. Господи, скучно-то как. Хотя бы одно интересное лицо.

ЕЛЕНА. А вы, Мария Ивановна, вокруг смотрите – сколько приятных офицеров.

МАРИЯ. Очень внимательно смотрю, Елена Назаровна. Ничего интересного. Даже поговорить не с кем.

ЕЛЕНА. Со мной говорите.

МАРИЯ. О чём? Тысячу раз обо всём переговорено.

ЕЛЕНА. Тогда читайте, как все порядочные девушки.

МАРИЯ. Всё прочла. И для порядочных девушек, и для не очень порядочных, и даже совсем непорядочных. Уныло. Всё уныло. Кроме водной глади и солнца. *(Появляется Ушаков, смотрит на реку, что-то зарисовывает себе в альбом.)* Елена Назаровна, живописец. Давайте посмотрим. *(Заглядывает Ушакову через плечо.)* Не видно.

ЕЛЕНА. Мария Ивановна, не следует так. Порядочные девушки должны…

МАРИЯ. Я аккуратно, я только одним глазком.

Ушаков замечает присутствие дам, поворачивается к ним.

УШАКОВ. Здравствуйте, дамы.

МАРИЯ *(делая реверанс)*. Добрый день.

УШАКОВ. Разрешите представиться, капитан второго ранга Фёдор Фёдорович Ушаков.

МАРИЯ. Мария Ивановна Каратеева. А это моя гувернантка – Елена Назаровна. *(Елена Назаровна делает реверанс, намеревается продолжить прогулку, но Мария удерживает её.)* А зачем вы этот корабль рисуете?

УШАКОВ. Потому что у него новая, интересная конструкция.

МАРИЯ. Обычный трехмачтовик. Ничего нового. Чем-то похож на «Хотин», который все хвалили в своё время. И чем закончилось? Большими переделками… Господин капитан, Фёдор Фёдорович, что с вами?

УШАКОВ. Не ожидал… Чтоб такая молодая и красивая барышня, да такое… Может, я сплю, и со мной ангел разговаривает?

МАРИЯ. Нет, я точно не ангел.

ЕЛЕНА. Да, совсем не ангел. Вы простите, господин капитан, Мария Ивановна всё никак повзрослеть не может. А вам, барышня, неприлично демонстрировать свои…

УШАКОВ. Подождите, сударыня… Мария Ивановна, извольте объясниться. Что значит ничего нового?

МАРИЯ. Пожалуйста. Осадка около девяти футов. Для реки нормально, а на море остойчивость будет посредственная. Видите, как идёт? Не идёт, а ковыляет. Это из-за обилия пушек. Также, как и на «Хотине». Погнались за огневой мощью. А как показывает практика, Фёдор Фёдорович, обилие пушек не всегда положительно сказывается на боеспособности корабля. Из-за тесноты может образоваться сумятица.

УШАКОВ. Обучать правильно матросов надо, чтоб каждый знал свой манёвр, тогда никакой сумятицы не будет.

МАРИЯ. И вы знаете как?

УШАКОВ. Конечно, знаю! А вы? Рассуждать многие горазды, нахватаются вершков из чужих разговоров!

МАРИЯ. Ах, вот вы как?!

УШАКОВ. Да! Вот так!.. Вот, к примеру, вон там, на четвертом стапеле, стоит линкор.

МАРИЯ. Рыбий остов, а не корабль! Одни ребра шпангоутов торчат.

УШАКОВ. Это не важно! Интересно, как избежать сумятицы, которая может возникнуть при залповом огне, например, с правого борта?

МАРИЯ *(взяв у Ушакова карандаш)*. Очень просто! *(Рисует в его альбоме.)* Вот так! И никакой сумятицы! Представьте, это канониры, а это их расчёты. Эти делают первый залп. А эти ждут. Пока эти перезаряжают, этим идёт команда: «Пли!» И всё работает, как часы. Это батюшка так говорит: «Всё работает, как часы». Он боцманом на втором стапеле сейчас. А раньше мы в Азовской флотилии состояли. Он меня везде с собой берёт.

УШАКОВ. Ах, вот откуда у вас такие познания в корабельном деле.

МАРИЯ. Я даже прожекты по улучшению некоторых кораблей писала – и батюшке, и в Адмиралтейство, и лично некоторым капитанам. А они смеются. Никто меня не слушает.

УШАКОВ. Я слушаю. Я не смеюсь.

МАРИЯ. Правда?

УШАКОВ. Правда. Вы такая… Такая… Даже слов нет, какая вы… И батюшка у вас хороший… Такую дочь… В кораблях и вооружении научил разбираться.

МАРИЯ. А вы интересный… Раньше он всё-всё мне рассказывал о кораблях. А теперь всё больше про замужество.

УШАКОВ. Да, замужество… Замужество – это хорошо.

МАРИЯ. Хорошо… Наверно… Я не уверена. Хотя раньше казалось, что…

ЕЛЕНА. Мария Ивановна, прекратите! Немедленно придите в себя! Это не прилично! Отдайте Фёдору Фёдоровичу карандаш. Нам пора.

МАРИЯ. Мы раньше в Архангельске жили. Я там родилась. С детства корабли люблю. Только они у нас другие, более округлые.

УШАКОВ. Я тоже люблю… Округлые… Округлые… Округлые, чтобы льды не затёрли… Я ходил в Архангельск, ещё когда мичманом был. Там море другое.

МАРИЯ. И море другое, и корабли. Но эти мне больше нравятся. А вы откуда родом?

УШАКОВ. С Ярославской стороны. Там нет моря. Рядом с деревней лишь река. Река Жидогость... И прудов много.

МАРИЯ. Смешное название – Жидогость. *(Смеётся.)* Жидкий гость.

УШАКОВ. И смех у вас такой красивый.

МАРИЯ *(смутившись)*. Судоходная?

УШАКОВ. Конечно. Почти у каждого мужика по берегам своё судно.

ЕЛЕНА. Однако разрешите нам откланяться. Марии Ивановне пора домой. До свидания!

УШАКОВ. До свидания. Передавайте привет вашему замечательному батюшке.

Сцена 5

Херсон. Двор и веранда у дома Каратеевых.

Явление 1

Август 1783 года. На веранде перед зеркалом крутится Мария. Елена Назаровна набрасывает ей на плечи платок.

ЕЛЕНА. Вы, Мария Ивановна, идёте на прогулку с офицером. Морским офицером. Понимаете? Я бы на вашем месте не в цветастом, а в чёрном пошла.

МАРИЯ. В чёрном?! При таком солнце?! Я же погибну.

ЕЛЕНА. Это вопрос дисциплины. Я же не гибну.

МАРИЯ. Вы, Елена Назаровна, бессмертны. За это вас и обожаю. Может, брошь с цветочком сюда? Или сюда?

ЕЛЕНА. Фёдор Фёдорович скоро как месяц оказывает вам знаки внимания. Даже вашему батюшке визит нанёс. Но я так и не поняла – он состоятельный дворянин?

МАРИЯ. Откуда я знаю? Судя по штопаному мундиру и начищенной обуви – он, как мы. Прячем бедность за ширму аккуратности и чистоты. А как он смущается и краснеет, когда моей руки касается. При этом морской офицер и в солидных годах. Светской жизнью совсем не испорчен. Пыхтит, топчется, когда с ним о французских романах говоришь. А стоит про флот слово молвить, сразу оживает, глаза загораются. Иногда так хочется

флотом стать. Для него. Его флотом. Представляете, если мы поженимся? Как он меня любить будет!

ЕЛЕНА. Даже думать об этом рано. Он в плане быта совсем не устроен – квартира при казармах. Хорош жених. Даром, что капитан.

МАРИЯ. Он устроится. Просто пока он так службе предан, что на бытовые неудобства ему – тьфу! А вот когда семья появится, когда я у него появлюсь, вот тогда он для меня, как для своих матросов. О нём знакомый батюшки рассказывал. Получили жалование. А у одного мичмана вычли нечестно. А у того семья, детишки. Вон там, через улицу в мазанке живут. Так Фёдор Фёдорович, чтоб не обидеть непрошенной помощью своего младшего офицера, несколько гусей тайком купил, да и отдал. Возьми, говорит, мне подарили, а у меня в квартире и держать негде. Представляешь, какой хороший и не жадный человек?

ЕЛЕНА. Не жадным в книжках хорошо быть, когда наперёд знаешь, как там судьба по воле автора обернётся. А в жизни? Сколько таких видела – всё раздадут, а затем… Эх!

МАРИЯ. Он не такой! Он хороший!

ЕЛЕНА. Хороший. А куда он жену приведёт? Нет, сначала пусть построится.

МАРИЯ. Он построится!

ЕЛЕНА. Здесь – в Херсоне? Может, в Таганроге или в Севастополе, где ни кола ни двора?

МАРИЯ. Я не знаю! Мне всё равно!

ЕЛЕНА. Легкомысленная молодость… Так, Мария Ивановна, далеко не убегать, никуда не исчезать. Чтобы я вас постоянно видела. Ничего лишнего не позволять. Ни ему, ни себе. Может придерживать под ручку. Не более. Ни визгов, ни прыжков. Держим осанку. Подбородок поднять. Достоинство. Вы – дама. Теперь немного пудры и каплю духов.

Елена Назаровна уводит Марию с веранды в дом.

Явление 2

Во дворе появляются Ушаков и Василий, который несёт корзину, прикрытую тканью.

ВАСИЛИЙ. Надо было тележку взять. Руки отваливаются. *(Ставит корзину, достаёт щетку, чистит мундир на Ушакове.)* Что за город? Чуть шагнёшь – весь в пыли.

УШАКОВ. Василий, прекрати! Сейчас дамы могут выйти, а ты тут…

ВАСИЛИЙ. И ничего страшного. Посмотрят и скажут: «Ай, какой красивый капитан! Какой аккуратный! Ни пылинки. А почему? А потому что у него денщик Василий. Не денщик, а золото!» Если офицер о своём мундире так заботится, то как он, сердешный, о невесте своей хлопотать будет.

УШАКОВ. Надо было тебя дома оставить.

ВАСИЛИЙ. Вот это было бы ошибкой. Сколько вы с ней гуляете? Сколько раз? Разов шесть? И всё время за ней гувернантка таскается. Вам и чувства-то свои не высказать друг другу наедине. А почему? А потому что наедине вы никогда и не бывали. А я помогу.

УШАКОВ. Как? Елена Назаровна – птица не твоего полёта.

ВАСИЛИЙ. Ну, и не таких влёт били. Главное – подход знать. С батюшкой её вы встречались? Встречались. Разговаривали? Разговаривали. Всё честь по чести. Потому что намерения у нас серьёзные. А как эти намерения проявить, коли всё время эта гувернантка под ногами путается? Сколько вы, для примера, ухаживать намерены за избранницей? Года три? Когда собираетесь предложение делать?

УШАКОВ. Рано об этом, Василий!

ВАСИЛИЙ. Как знать. Походил я тут по городку, поглядел. Хорошеньких барышень здесь немного. Можно сказать, кроме Марии Ивановны да жены лейтенанта, того вертлявого со второго стапеля, и нет вовсе. Замужнюю нам не надо. Ибо люди мы серьёзные, рассудительные. Вырисовывается напряжённая картина. Вокруг одной лягушки целая туча комариков – молоденьких офицеров, один другого краше. А некоторые, не в пример нам, и познатней и побогаче будут. По пять мундиров в сундуках. А у нас? Господи, опять дырка! Утром смотрел – ничего не было! Вы что с ним делаете? Где ползаете?

УШАКОВ. Василий, не шуми. Ничего страшного. Подумаешь, дырочка.

ВАСИЛИЙ. Скидывайте! Сейчас мигом заштопаю!

УШАКОВ. Некогда! Они с минуты на минуту появятся!

ВАСИЛИЙ. Скидывайте! Быстро! *(Стягивает с Ушакова мундир. Быстро шьёт.)* Дело минутное. Если сейчас не зашить, во-первых, барышня заметит, во-вторых, разойдётся, потом штопки на час.

УШАКОВ. Мария Ивановна не заметит. А заметит – промолчит. А вот Елена Назаровна. Глаз у неё, знаешь, как у чайки.

ВАСИЛИЙ. Вот, готово. Ай, красавчик! Чесноком никто не угощал? Вроде не пахнет.

УШАКОВ. Какой чеснок? При чём тут чеснок?

ВАСИЛИЙ. При том! Захотите Марию Ивановну в щёчку поцеловать, а от вас чесноком.

УШАКОВ. Какая щёчка! Там Елена Назаровна так бдит, что...

ВАСИЛИЙ. Красивая?

УШАКОВ. Очень красивая. С ямочками на щёчках, когда улыбается. И веснушки.

ВАСИЛИЙ. Веснушки может и хорошо, но… А тут как? Повыше ватерлинии. Так сказать, корпус корабля. Обводы, как? В смысле, в теле? Полненькая? Есть за что держать?

УШАКОВ. Кого?

ВАСИЛИЙ. Елену Назаровну… Гувернантку… Какая она?

УШАКОВ. Она такая… Прямая. Осанка, словно через неё ось мира проходит. И смотрит строго. А в глазах грусть… А если спросят, зачем тебя с собой взял?

ВАСИЛИЙ. Потому что кавалер галантный. Гуляете вы по берегу по такой густой жаре и вдруг барышни пить захотели. А у вас всё под рукой – вот фруктовая вода, вот фужеры.

УШАКОВ. Откуда у нас такие? У меня не было фужеров.

ВАСИЛИЙ. Теперь есть. У нас теперь много чего есть. Потому что денщик у вас с головой, сердцем и отменным глазомером. Важно другое. Захотят барышни отдохнуть. Имеют право? Конечно. Они барышни. А у вас, у галантного кавалера, и плед имеется. И кусок парусины есть, чтоб навес для тени соорудить. Ой, скажут, какой Фёдор Фёдорович

предусмотрительный. Как хорошо, что он с собой денщика взял… А вон и барышни к калитке выходят. Идите встречать. *(Ушаков уходит.)* Всё-таки надо было тележку взять. А вроде и ничего, эта Елена Назаровна… Ну, Василий, самое время расстараться.

Василий подбирает корзину, уходит.

Явление 3

Солнечный осенний день окутывается в зловещую дымку. Появляется казак. На его пике колеблется чёрный флажок. Следом за казаком появляется телега и несколько каторжан с мешками на головах. В их руках – багры. Каторжане заходят в дом. При помощи багров вытаскивают из дома вещи и сгружают их на телегу. Один из сундуков открывается. Из него вываливаются платья Марии Ивановны и Елены Назаровны. Железными крючьями их сгребают вместе с сундуком на телегу. Казак, каторжане и телега покидают двор.

Явление 4

Во двор вбегает Ушаков, за ним – Василий.

ВАСИЛИЙ. Стой! Нет их! Вся семья разом! Ещё утром забрали.

УШАКОВ. А, может, они…

ВАСИЛИЙ. Нет. Ничего не осталось. Вон, «чумная команда» по дворам идёт. На этой улице почти все дома мёртвые. На той – две трети семей чума забрала. А все вещи – в костёр.

УШАКОВ. А она? Она где? Куда её? Куда их отвозят?

ВАСИЛИЙ. В степь. За город. Копать не успевают. Там овраг. Там присыпают… Фёдор Фёдорович, пойдём. О живых надо сейчас думать.

УШАКОВ. И все вещи – в костёр? Одежда, письма, дневники – всё в костёр? Ни следа от человека. И даже пепел от них ветром по степи. И ведь ничего! Ничего! Зачем тогда? Зачем все эти усилия? Ни следа! Зачем?

ВАСИЛИЙ. Идём, Фёдор Фёдорович, такими вопросами себя лучше дома изводить. Самое время о моряках своих думать. Почти полтысячи живых душ от тебя зависят!

УШАКОВ. Её нет. Как такое возможно? Вот она была и вдруг её нет. Она должна быть живой!

ВАСИЛИЙ. Куда? Стой! Не пущу! Не пущу! Можешь бить меня! Можешь убить меня! Всё равно – не пущу! Там – чума!!! *(Ушаков плачет.)* Лучше так. Поплачь. Ты за них не беспокойся. Они там, барышни-то, у Бога на облаке, поди, чай пьют, на нас смотрят, улыбаются. И жалеют нас. Думают, гадают, как мы тут из всех этих испытаний выберемся. Сдюжим ли? А мы сдюжим. Ты у нас, Фёдор Фёдорович, крепкий. Обязательно сдюжим. Сейчас малость поплачем, погрустим. А затем, Бог даст, управимся с этой хворью.

УШАКОВ. Смирно! *(Василий ошарашенно отстраняется от Ушакова и вытягивается по команде.)* Не трусить! Одну мечту отобрала! Вторую – не дам! Вот ей! *(Показывает Василию фигу.)* Никого из моей команды не получит! Не дам! Я этой чуме такое устрою!

Пожалеет, что сюда приползла! Беги, созывай всех наших у стапеля! Мы ей такое устроим! За Машеньку! За флот! За Отечество! К бою, братцы! К бою!

Сцена 6

Севастополь. Дом Маккензи (Екатерининский дворец).

Явление 1

Екатерина на балконе любуется ночным звёздным небом. Появляется Потёмкин.

ПОТЁМКИН. Опять не спится, Катенька?

ЕКАТЕРИНА. Я так счастлива! До сих пор в теле такая бодрость, что заснуть не могу. А в душе восторг! Счастье! Вот закрываю глаза – нет ничего. А открываю… Вот же оно! Прямо передо мной! И это не сон! Не сказка!

ПОТЁМКИН. Это только начало. Только начало… Из Константинополя тревожные вести.

ЕКАТЕРИНА. Как не вовремя. Хотела насладиться этой ночью. Может, до утра отложим?

ПОТЁМКИН. Конечно, отложим.

ЕКАТЕРИНА. Нет. Теперь твои слова как заноза… Что там?

ПОТЁМКИН. Антирусская партия при дворе султана активизировалась. Визирь выступил с речью. Копия речи у тебя в деловых бумагах.

ЕКАТЕРИНА. Не хочу сейчас читать. Что там? Если вкратце.

ПОТЁМКИН. Призывает спровоцировать с нами драку… Скорее всего, у Очакова.

ЕКАТЕРИНА. Новая война?

ПОТЁМКИН. Мы почти готовы. Строимся, укрепляемся. И Севастополь – главный порт твоего Черноморского флота, почти готов.

ЕКАТЕРИНА. Я не заметила никаких изменений.

ПОТЁМКИН. Вход в бухту закрыли старыми фрегатами. Там же – плавучая батарея. Отряды Ушакова и Алексиано на внешнем рейде. Все корабли получили запас снаряжения и воды.

ЕКАТЕРИНА. Думаешь, скоро начнётся?

ПОТЁМКИН. Уверен.

ЕКАТЕРИНА. А у меня вот здесь такая уверенность, что всё это теперь наше… Наше навсегда… Я прочно встала на эти южные земли… А Пётр не смог.

ПОТЁМКИН. А ты смогла.

ЕКАТЕРИНА. И у меня теперь – новый флот! Мой новый флот! Мой!.. Закрываю глаза, а там мои корабли в белых клубах пушечного дыма. Белые паруса. Белые облака в лучистом небе. И всё такое торжественное! Такое блестящее! И тридцать один залп салюта! И это: «Ура!» И всё это кричит о рождении моего Черноморского флота!.. А ты заметил их лица?

ПОТЁМКИН. Кого, Катенька?

ЕКАТЕРИНА. Их! Всех этих посланников. Незабываемая картина!

ПОТЁМКИН. Может, капель медикуса? У тебя глаза огнём пыхают. И щёчки раскраснелись.

ЕКАТЕРИНА. Не хочу капель!.. Глаза вытаращили и шепчут: «Они же через двое суток могут оказаться у стен Константинополя!» Конечно, могут!.. Не хочу капли! Налей чего-нибудь торжественного! Выпьем за здоровье новорожденного, Гриша! За рождение Черноморского флота России! (*Пьют.*) Господи, я только сейчас поняла. Мы – я, ты, офицеры, матросы, мастеровые, купцы, народ – все мы совершили что-то великое… Что? Что не так? Опять это недовольное лицо.

ПОТЁМКИН. У нашего новорожденного с отцами-командирами не ладится.

ЕКАТЕРИНА. Опять за своё?

ПОТЁМКИН. Сама посуди. Прямо злой рок какой-то. Трое адмиралов – Шубин, Клокачёв и Маккензи – умерли. Двое – Козлянинов и Сухотин – затосковали по северу и как-то сумели отпроситься. А в итоге? Ты назначаешь командующим Войновича.

ЕКАТЕРИНА. Чем он тебе не мил? Хороший офицер. Командовал моей яхтой когда-то.

ПОТЁМКИН. Твоими яхтами половина офицерского корпуса командовала!.. Красивее и умнее молодцы были! А у этого волосы, как у ворона – чёрные! И нос. Не нос, а утёс! И глаза – маслины! Сразу видно – дурак. Напыщенный, самодовольный дурак.

ЕКАТЕРИНА. Гриша, может, тебе капель медикуса? А то глаз огнём пыхает. И щёчки раскраснелись. Не ревность ли это, Григорий Александрович?

ПОТЁМКИН. И в мыслях не было. За Отечество радею, матушка. Он год в плену у персов просидел! А ты его на Черноморский флот, да еще адмиралом.

ЕКАТЕРИНА. Он в боях был. С турками дрался, и весьма удачно. Даже награды имеет.

ПОТЁМКИН. Почему именно он? Почему, например, не Ушаков? Ушаков тоже твоей яхтой командовал.

ЕКАТЕРИНА. Помню. Любитель уставов и склянок. Мне он не понравился. Какой-то… Одним словом – простоват.

ПОТЁМКИН. Зато служит отменно! На флоте его уважают, даже матросы.

ЕКАТЕРИНА. А чина адмиральского нет, чтобы флотом командовать.

ПОТЁМКИН. Так это раз плюнуть. Бумагу, чернила – принесть? Всё в твоей воле.

ЕКАТЕРИНА. Пусть сначала проявит себя, а там уж.

ПОТЁМКИН. Так проявил – столько людей от чумы спас.

ЕКАТЕРИНА. Так и мы не поскупились – орденом его пожаловали… Гриша, оставим этот разговор. Я ещё не ложилась, а через час вставать придётся – Храповицкий множество бумаг приготовил. Проводи меня, мой хороший.

Екатерина и Потёмкин уходят.

Явление 2

Звёздная ночь постепенно превращается в солнечное утро. Появляется Ушаков. Немного погодя заходит Потёмкин в халате, грызёт кочерыжку.

УШАКОВ. Здравия желаю!

ПОТЁМКИН. Здорово, братец. Садись. Кофе хочешь? Или почаёвничаешь? Или, может, чего крепче? Хотя, слышал, ты свою порцию рома матросам отдаёшь. Или опять врут?

УШАКОВ. Врут… Лишь половину порции.

ПОТЁМКИН. Молодец, Ушаков… Надо бы тебе, герой, как-то адмиралом становиться… Ну, что таращишься? Надо, Федя, надо!.. Чем сейчас команды заняты?

УШАКОВ. Пристань доделываем. Казармы и другие необходимые постройки. На горе заложили каменный госпиталь. В Корабельной бухте очистили «киленбанку» – место для килевания. Там и краны для поставки мачт. Много чего. Всё перечислять?

ПОТЁМКИН. Не надо. Всё вроде правильно. И делается много. Но преподносишь ты это, как… Киленбанка… А все твои лавры Войнович в красивую обёртку и императрице на стол. Всё ему, об Ушакове – ни слова. А он лишь гауптвахту на берегу соорудил. Считает, это лучший способ воспитания человека… А, каков!.. Терпеть не могу, когда над простым людом измываются! Воспитатели хреновы! А она, просвещённая монаршая особа, меня не понимает. Гриша, говорит, он – человек сложный. Не русский. С ним надо деликатно. Зато мы люди простые. Нам и кочерыжку грызть в радость. В радость, Фёдор Фёдорович?

УШАКОВ. Мне более приятно квашеной капустой похрустеть.

ПОТЁМКИН. А у тебя орденов много?

УШАКОВ. Один. Святого Владимира четвёртой степени… Не боевой, но…

ПОТЁМКИН. Ты это брось! Эта битва, которую ты выиграл, потруднее многих! И орден этот самый геройский!.. Кстати, как тебе это удалось? Как людей уберёг? Что делал?

УШАКОВ. Жёсткий карантин. Караулы. Почти всех медикусов, которые не успели из Херсона бежать, – «под ружьё». Сначала скандалили, затем втянулись в работу. Всю команду разделил на артели. Каждую – в отдельную палатку. Между артелями – никакого общения. Два раза в день – осмотр. Если даже заподозрю неладное – сразу в лазарет. Отдельную мазанку для этого выделил. Круглые сутки костры – из кизяка, камыша, бурьяна. Чтоб лагерь окуривать… Ну, и все работали. И занятия продолжали. Главное, чтобы все при деле. Чтоб времени унывать не было. И чтоб чистота – и в одежде, и в теле, и вообще… Побольше чеснока. Уксусом чтоб обильно натирались… А матросы шутили – мы, мол, при нашем капитане стали как мураши – расторопными, бравыми, кислыми и чесноком воняем.

ПОТЁМКИН. А что, мураши чесноком воняют?

УШАКОВ. Не знаю, не нюхал… А чума – девка обидчивая – не выдержала, отступила. Да и личный счёт у меня к ней был. Никого из своей команды не отдал.

ПОТЁМКИН. Это хорошо… Не отдал… А сам что о Войновиче думаешь?

УШАКОВ. Ничего не думаю. Ничего плохого сказать не могу.

ПОТЁМКИН. Как так? Он твои заслуги ворует! Да и по годам он младше тебя, а обскакал почти по всем статьям! Уж не слепой ли ты, братец?

УШАКОВ. Никак нет! Но плохого про него ничего сказать не могу. Он – мой начальник. То, что молод, – похвально. То, что высокомерен – бывает. То, что матросов и мичманов не уважает – таких на флоте хватает. Зато не вор – за руку пока никто не поймал.

ПОТЁМКИН. Ты на что намекаешь?

УШАКОВ. Не намекаю, а говорю открыто. Ничего плохого я о нём не скажу.

ПОТЁМКИН. Ты из себя святого-то нет корчи! Защитничек! О себе думай!

УШАКОВ. Я не корчу. (*пауза*) Да! Он мне не нравится! Но это не значит, что…

ПОТЁМКИН. Тяжёлый ты человек, Ушаков… Вспыльчивый… На Светлейшего князя орёшь… А я, между тем, голову ломаю, как о тебе позаботиться… Ишь, какой! Не нравится, а защищаешь… Пойдём, святой мой человечище, отведаем кофию… Ишь, насупился! Идём, киленбанка! На Потёмкина не обижайся, Потёмкин тебя любит!

Сцена 7

Санкт-Петербург. Беседка в парке. Екатерина в окружении фрейлин разговаривает с Чиновником из Адмиралтейств-коллегии.

ЧИНОВНИК. Да, Ваше Величество, информация из нескольких источников. Перепроверена. Потрепало, сильно потрепало. Но трагедии нет.

ЕКАТЕРИНА. Сколько времени уйдёт на восстановление? Берега Крыма – без защиты. Если султан узнает… А он узнает!.. Турки высадят десант. Причём, где угодно могут высадить! Всё открыто! Никакой защиты!

ЧИНОВНИК. Их десант ожидается здесь… У Вашего Величества тоже есть осведомители во дворце султана. Кстати, султан пока не в курсе нашего небольшого конфуза.

ЕКАТЕРИНА. Конфуза?! Простите… Дамы, не пугайтесь, продолжайте беседу.

ЧИНОВНИК. Сведения о возможном месте высадки направлены генералу Суворову. Он, по вашему мудрому распоряжению, выдвинул туда пару отрядов своих чудо-богатырей.

ЕКАТЕРИНА. А вот и Светлейший князь к нам спешит.

ЧИНОВНИК. Разрешите откланяться.

ЕКАТЕРИНА. Отчего же? Вы не помешаете. Даже поможете. Вы любите театр?

ЧИНОВНИК. Люблю… Все ваши пьесы прочёл. Неоднократно на спектаклях бывал.

ЕКАТЕРИНА. Хочу устроить представление перед Светлейшим. Вы поможете.

ЧИНОВНИК. С удовольствием. Что прикажете?

ЕКАТЕРИНА. Будьте неподалёку. Я позову. (*Появляется Потёмкин. Фрейлины и Чиновник удаляются.)* Здравствуй, Светлейший. Что с тобой, Григорий Александрович? На тебе лица нет. Весь в пыли… Что случилось? Отдышись, дорогуша.

ПОТЁМКИН. Матушка, всё пропало! (*падает на колени*) Беда, матушка! Флот Севастопольский – нет больше флота! Не турки бьют – Бог меня бьёт! Крым без защиты! Не удержим без флота! Может, сами сдадим султану?

Екатерина поднимает Потёмкина с колен, затем отвешивает ему пощёчину.

ЕКАТЕРИНА. Смирно!.. Приди в себя, Светлейший! Крым не сдавать! Крым – мой!

ПОТЁМКИН. Но без флота… (*Новая пощёчина от Екатерины.*)

ЕКАТЕРИНА. Понял, почему не сдавать?

ПОТЁМКИН. Он – твой.

ЕКАТЕРИНА. Наш он, Гришенька, наш… Да и куда флот Севастопольский девать, как не в родную гавань?

ПОТЁМКИН. Так ведь… Как?!

ЕКАТЕРИНА. Гриша! Гриша!.. А ну-ка дыши!.. Садись сюда! Держи бокал, пей!.. Ох, напугал, друг сердечный.

ПОТЁМКИН. А мне доложили… А я думал… Катенька!

ЕКАТЕРИНА. Успокойся, Гришенька, успокойся. Не плачь. Может, капелек накапать?

ПОТЁМКИН. Лучше водочки.

ЕКАТЕРИНА. Ох, Гриша… Бог милостив.

ПОТЁМКИН. А мне доложили, что шторм… Что погубил… Что нет флота.

ЕКАТЕРИНА. Да, шторм был… Но флот уцелел. Правда не весь. Ремонту много.

ПОТЁМКИН. Откуда ты, матушка, в обход меня, такие сведения? (*Екатерина поднимает руку. Появляется чиновник, кланяется Потёмкину.*) Вот оно что – Адмиралтейств-коллегия… Но Мордвинов отписал, что…

ЧИНОВНИК. Это устаревшие сведения. Имею полный перечень копий рапортов капитанов и доверенных лиц, а также отчёты о повреждениях.

ЕКАТЕРИНА. Намерены тебе представление устроить с господином из Адмиралтейств-коллегии… Большой почитатель театра… Хотя даже лёгкой сатиры не получится из того посмешища, которое вы, господа, устроили из моего флота! Пред всеми державами! Какой-то шторм! Даже в бой ни разу не вступили! Стыдно, господа… Но мы всё-таки постараемся. Будем импровизировать... Прямо по докладным запискам… Итак, начинаем! Музыка! Пурум-пум-пум! (*Чиновнику*) Вы – на сцене. Вы – глас судьбы и провидения.

ЧИНОВНИК *(шёпотом)*. Господи, помоги!.. *(декламирует)* И вновь война. Турецкие войска дерутся с нашими близ Очакова. Туркам помогает их флот. Наш тоже рвётся в бой. Светлейший князь даже направил записку Войновичу. Читать целиком?

ЕКАТЕРИНА. Не нужно. Лишь суть.

ПОТЁМКИН. Я помню её! «Показать всю неустрашимость к нападению и истреблению неприятеля. Сие объявить всем офицерам. Где завидите флот турецкий, атакуйте его! Во что бы то ни стало, хотя бы всем пропасть».

ЕКАТЕРИНА. Сильные слова! И на этом всё? На словах всё закончилось?

ПОТЁМКИН. Мордвинов разработал план внезапного нападения на турецкий флот у Варны.

ЕКАТЕРИНА. А почему у Варны, а не у Очакова? Было бы лучше поддержать Суворова с моря. Или я чего-то не понимаю в военной стратегии?

ЧИНОВНИК. План Мордвинова авантюрный. Зато в нём был элемент внезапности. Уничтожить часть турецкого флота на рейде. Это ведь хорошо?

ПОТЁМКИН. Мне тоже показалось, что хорошо. Я и утвердил.

ЧИНОВНИК. А дальше случилось непоправимое.

ЕКАТЕРИНА. Просим, просим… Удивите нас.

ЧИНОВНИК. Мрачное утро. Тёмные тучи. Мрачное море. И ветер с каждой минутой набирает силу… И вот – шторм! Шторм! Казалось, сами небеса обрушились на эскадру! Мачты ломаются, как соломинки! Паруса – в клочья! Ванты разрываются! Сам Посейдон поднялся из глубин и разметал трезубцем корабли по морю! Одни отдались воле волн, другие пытались развернуться по ветру… Пушки, бочки с солониной, куски мачт с обрывками канатов, разрушенные переборки — вся эта смертельная круговерть носится по палубам, перемалывает, калечит людей!

ЕКАТЕРИНА. Достаточно, мы поняли.

ЧИНОВНИК. Флагман «Слава Екатерины» стал тонуть. Помпы не справлялись. Поломался даже румпель. За борт летело всё, чтобы облегчить корабль. Море жадно поглощало пушки, ядра, бочки, мебель. Даже штабные бумаги и карты. И самое дорогое… В рапорте так и указано – самое дорогое.

ПОТЁМКИН. Что?

ЧИНОВНИК. Табакерка Её Величества, подаренная Войновичу за расторопность при управлении императорской яхтой. Но в этот раз расторопность проявил другой человек. Корабль и его экипаж спас Дмитрий Сенявин. Офицер освободил тонущее судно от сломанной мачты.

ПОТЁМКИН. Наградить! Непременно наградить!

ЧИНОВНИК. Соответствующий документ у вас в канцелярии, у полковника Попова.

ЕКАТЕРИНА. Проиграли кампанию, даже не начав её. И ты о наградах? А «Марию Магдалину» отнесло к Босфору. А там четыреста человек экипажа! Примите, пожалуйста, трофей, господа турки! А капитан – этот англичанин с неприличной фамилией…

ЧИНОВНИК. Тиздель, Ваше Величество. Капитан Тиздель. Матросы на свой лад его…

ЕКАТЕРИНА. Как? (*Чиновник шепчет на ухо.*) Метко! Так вот этот… Этот капитан сразу сдался врагу. Даже бой не принял. Не пошла впрок, Гриша, твоя записка с сильными словами. Вот как он показал «всю неустрашимость к истреблению неприятеля»… И ещё… После ремонта «Славу Екатерины» переименовать. Не нужна мне такая слава… Вот такой, Григорий Александрович, экспромт… А вы хорошо сыграли, особенно шторм… Может, пьесу напишете об этих событиях?

ЧИНОВНИК. Обязательно напишу, Ваше Величество. И непременно о Черноморском флоте, но в других обстоятельствах. О его победах, которые последуют. Я в этом уверен.

ПОТЁМКИН. Я тоже не сомневаюсь. Починимся. Подучимся. Бездарей – в шею. Достойных – на передний план. А там и победы последуют. Никуда они от нас не денутся.

ЕКАТЕРИНА. Вот такой ты мне, Светлейший, более по душе… Что там? Что-то случилось? Смотри, Гриша, первый раз вижу, чтобы помощник камердинера так бегал. (*Появляется помощник камердинера*.) Что случилось?

ПОМОЩНИК КАМЕРДИНЕРА. Срочное донесение от генерала Суворова.

Помощник камердинера передаёт письмо Екатерине. Та быстро читает его.

ЕКАТЕРИНА. Благодарю. Присядьте. Отдышитесь.

ПОМОЩНИК КАМЕРДИНЕРА. Жду ваших распоряжений, Ваше Величество.

ЕКАТЕРИНА. Благодарю. Пока ничего не нужно. *(Помощник камердинера, поклонившись, уходит.)* Вы тоже можете быть свободны. Бумаги оставьте. Я с ними ещё раз ознакомлюсь. Благодарю вас. (*Чиновник, поклонившись, уходит*.) Гриша, налей мне чего-нибудь.

ПОТЁМКИН. Что в письме?

ЕКАТЕРИНА. Присядь, Гриша… Почему в баталиях близ Очакова наш флот никакой активности не проявил?.. Почему у присланных из Херсона кораблей не было предписания атаковать турецкий флот? Суворов пишет, они лишь уныло постреляли пару дней в сторону неприятеля. Туркам, видимо, надоела эта нерешительность русских – они подняли паруса и ушли.

ПОТЁМКИН. Я разберусь, Ваше Величество.

ЕКАТЕРИНА. Это не всё! Турки атаковали Кинбурн… Высадили десант на косе.

ПОТЁМКИН. А Суворов?.. Что? Что? Не томи, матушка!

ЕКАТЕРИНА. А Суворов в своей манере – позволил им сойти, а потом ударил.

ПОТЁМКИН. Разбил?

ЕКАТЕРИНА. Разбил. Остатки сбросил в море.

ПОТЁМКИН. Молодец, Александр Васильевич! Наградить! Непременно наградить!

ЕКАТЕРИНА. Это не всё!

ПОТЁМКИН. Господи, Катенька! Какой сумасшедший день.

ЕКАТЕРИНА. Читаю… «Начальник лиманской флотилии контр-адмирал Николай Семенович Мордвинов не оказал никакой помощи».

ПОТЁМКИН. Я разберусь.

ЕКАТЕРИНА. И лишь одна галера… Где это? Вот. Галера «Десна»… Бесстрашно бросилась навстречу турецкому флоту.

ПОТЁМКИН. Молодцы! Молодцы, ребята! Наградить! Непременно наградить!

ЕКАТЕРИНА. Турки приняли «Десну» за брандер и отошли к Очакову… Одна галера. Всего одна галера… А в распоряжении Мордвинова полусотня судов. Даже фрегат!

ПОТЁМКИН. Я разберусь.

ЕКАТЕРИНА. Да, Гриша, разберись. Мордвинов отдал командира галеры под суд… Да, Гриша, да… Оказывается, в твоём курятнике и такое бывает! За самовольные действия. Суворов просит заступиться за храброго мичмана.

ПОТЁМКИН. Будь уверена, матушка, я заступлюсь за этого мичмана… Нет, за этого лейтенанта! И со всеми другими разберусь. Ох, уж они у меня закудахтают… Позволь немедленно отправиться.

ЕКАТЕРИНА. Успокойся, Гриша, успеешь. Что-то переволновалась я. Завтра отбудешь, если такая нужда. А пока побудь со мной, душа моя. А то и опереться не на кого.

Сцена 8

Каюта на корабле «Святой Павел». Василий сервирует стол. Входит Ушаков.

ВАСИЛИЙ. Так! Умываться, переодеваться и есть!.. Не рви кафтан! Сейчас помогу!

УШАКОВ. Побывал на всех фрегатах авангардии. Говорил с матросами и офицерами. Все рвутся в бой! Даже на «Преображении» был.

ВАСИЛИЙ. Где?.. А, флагман храбреца Войновича, бывшая «Слава Екатерины».

УШАКОВ. Кстати, там встретил нашего знакомца – лейтенанта с императорской яхты.

ВАСИЛИЙ. А, помню, помню… Александр Николаевич… Улыбчивый такой.

УШАКОВ. Ко мне в команду на поход напросился. Я взял. А что? Хороший офицер. Он мне по секрету шепнул – Мордвинов от Потёмкина строгий выговор получил.

ВАСИЛИЙ. Это за что?

УШАКОВ. Помнишь, в Херсон недавно вызывали в канцелярию Светлейшего?

ВАСИЛИЙ. Ещё бы! Я там на рынке за полцены целый моток отличной ткани для портянок купил. И четыре серебряные ложки… нашёл…

УШАКОВ. Какие ложки?

ВАСИЛИЙ. Не отвлекайся, рассказывай… Так что Мордвинов-то?

УШАКОВ. Так вот! А в канцелярии говорят – Потёмкин в Кременчуг уехал. И никто не знает, когда вернется.

ВАСИЛИЙ. Точно, помню. Самовар у них там красивый в караулке, но тяжёлый.

УШАКОВ. Какой самовар?

ВАСИЛИЙ. Не отвлекайся, продолжай… Так что Мордвинов-то?

УШАКОВ. Я сразу и направился к нему. Уж он-то должен знать.

ВАСИЛИЙ. Кто?

УШАКОВ. Как кто? Контр-адмирал Мордвинов… Ты вообще меня слушаешь?

ВАСИЛИЙ. Очень даже слушаю… Это тот, с которым у тебя спор вышел. С которым вы так задорно друг на друга кричали, что на улице даже собаки лаять перестали.

УШАКОВ. С ним.

ВАСИЛИЙ. Тогда и правильно. Тогда и не грешно… И без бархатных порток походит.

УШАКОВ. Какие портки?

ВАСИЛИЙ. Не отвлекайся, рассказывай… Так что Мордвинов-то?

УШАКОВ. Так я и рассказываю! Зашёл, поздоровался, представился ему – всё по форме. А он мне: «С чем изволили пожаловать, сударь?»

ВАСИЛИЙ. Ишь, какой негодяй… Не обкапайся, батюшка.

УШАКОВ. А вызов Потёмкина идёт через них, через Черноморское правление. Значит, должен знать? Должен. Но я человек простой. Мне не трудно повторить. Я докладываю. Прибыл, мол, по вызову Его Светлости, но князь уехал. Может, спрашиваю, он вам передал чего относительно меня? А он мне: «Не печальтесь. Князь может утром вспомнить о вас, а к вечеру – забыть». Ну я и возразил. Да ещё сказал, что подожду Светлейшего. А он чуть ли не затопал от злости! Нельзя, мол, ждать! В Севастополе вы нужны более, чем здесь! Извольте отправляться к вверенному вам кораблю!.. Я уехал.

ВАСИЛИЙ. И правильно, батюшка. Всё равно у них брать было нечего. За это его Светлейший обругал? За то, что не позволил обождать?

УШАКОВ. В общем и целом – да… Не могу вспомнить, с чего спор начали. (*пауза*) Не такая непогрешимая истина, господин Мордвинов, эта ваша линейная тактика!

ВАСИЛИЙ. Господи, напугал-то!

УШАКОВ. Подобная тактика отжила свой век. Суворов бьёт врага вопреки всем правилам сухопутной линейной тактики, смело идёт на неприятеля и побеждает. В баталиях на море также должно быть. Удиви, ошарашь врага – и победишь! А сейчас что? Что я тебя спрашиваю?

ВАСИЛИЙ. Кисель.

УШАКОВ. Какой кисель? А, кисель… Кисель – это хорошо. А вот линейная тактика – плохо. Словно не морской бой, а какой-то танец. Всегда одно и то же: вы – туда, а вы – сюда. Никакого простора для манёвра. Попробовал ему объяснить, а он в крик. Да ещё жалобу на меня Потёмкину. А тот ему в ответ – выговор.

ВАСИЛИЙ. Ай, молодец, Григорий Александрович, светлая голова. Здоровья ему крепкого на сто лет вперёд… Не обкапайся, батюшка.

УШАКОВ. Скорее бы сражение. На деле хочу доказать свою правоту.

ВАСИЛИЙ. Как только тебе удалось нашего храброго флотоводца из Севастополя выманить? Прочёл некоторые его рапорты. Ну, и мастак этот Войнович отписки выдумывать.

УШАКОВ. Не надо так. Всё-таки он… Хотя… А чего его защищать? Пока он трусил, армия Суворова осаждала Очаков. Так надо помочь, поддержать с моря! А этот – прости, Господи – флотоводец… Я пришёл к нему и прямо всё высказал! Да, знаю, что Севастопольский флот малочисленнее и слабее турецкого! Да, не обшит медью и тяжёл на ходу! Но это не значит, что мы должны сидеть как мыши, пока наши сухопутные войска бьют врага! Зачем вообще тогда флот? Пора нам быть хозяевами здесь! Это наше море!

ВАСИЛИЙ. Пристыдил?

УШАКОВ. Если бы… Он оправдываться: «Фёдор Фёдорович, посудите сами, капудан-паша получил подкрепление. У него теперь двадцать линейных кораблей, а у меня

– только два. Куда мы против него?» А я ему говорю: «Усиленный турецкий флот сейчас насчитывает семнадцать линейных кораблей, восемь фрегатов и массу малых судов». У него аж глаза закатились. У них, говорю, в два раза больше пушек. Да и калибр у нас меньше. По всем статьям мы уступаем. А в случае абордажной схватки, говорю, нам тем более не устоять. Десять тысяч турецких сабель против наших четырёх тысяч.

ВАСИЛИЙ. А он что?

УШАКОВ. Думал, разрыдается… Получается, говорю, в перестрелку сходиться нельзя, абордаж тоже не получится, поэтому выход один – будем нападать!

ВАСИЛИЙ. Это как? Как нападать? По всем раскладам – всё против нас!

УШАКОВ. Вот и он не понял.

ВАСИЛИЙ. Фёдор Фёдорович, ты знаешь, я за тебя в огонь и в воду… Скажешь нападать, значит нападём. Вот только победим ли?

УШАКОВ. Я не самоубийца. Не грешник какой. Я не просто так говорю. Я почти всё рассчитал… Вот если бы ещё Господь нам немного с ветром помог… Я вот молюсь. Сильно молюсь. Даже капитанов авангардии с командами попросил молиться о победе.

ВАСИЛИЙ. Молитва – это, конечно, хорошо. Но, может, у тебя ещё что-то есть, кроме надежды на помощь Господа?

УШАКОВ. Я немного посплю. А ты подготовь нам чистые рубахи. Вдруг завтра помереть придётся. Думаю, утром начнём. Ветер должен благоприятный установиться.

ВАСИЛИЙ. А какие у нас козыри, Фёдор Фёдорович?

УШАКОВ. Самые сильные… И камзол парадный подготовь, чтоб орден там.

ВАСИЛИЙ. Это само собой… Так расскажешь?

УШАКОВ. Увидишь… Долго не засиживайся. Чувствую, день завтра долгим будет.

Сцена 9

Шканцы на корабле «Святой Павел». Солнечное утро. Александр наблюдает в подзорную трубу за морем. Появляется Ушаков.

АЛЕКСАНДР. Здравия желаю, Фёдор Фёдорович!.. Турки на ветре. Не сближались.

УШАКОВ. Приветствую, Александр Николаевич. Как у нас?

АЛЕКСАНДР. Норд-ост... Вторую склянку держит.

УШАКОВ. Добро. Авось установится… Позволь. (*Лейтенант передаёт Ушакову подзорную трубу.*) А противник-то силён.

АЛЕКСАНДР. Особенно эти – восьмидесяти пушечные. Я таких не видел. На ходу лёгкие.

УШАКОВ. В авангардии шесть кораблей… Даже сам капудан на флагмане с ними.

АЛЕКСАНДР. С рассветом к ним подошёл.

УШАКОВ. Перестраиваются… Интересно, что этот хвалёный «крокодил» задумал?.. Ничего, сейчас мы его огорошим… Вот она – эта минута! Решающая! Судьба Черноморского флота, судьба Крыма сейчас решается… Ждать больше нечего! Будем драться! Прибавить парусов!

АЛЕКСАНДР. Прибавить парусов!

УШАКОВ. Сейчас ветер выиграем. И втиснемся между авангардией и кордебаталией.

АЛЕКСАНДР. Так никто не делал! Так нельзя!

УШАКОВ. Ничего, лейтенант, всё получится. Мне Господь знак дал. Хороший знак. Надёжный… Ты глянь, как наши молодцы лихо с парусами управляются!.. На «Бериславе» и «Стреле» тоже не зевают – быстро ставят… А вон и остров Фидониси виднеется.

Появляется Василий.

ВАСИЛИЙ. Может, господин капитан кофию желает? Могу принесть.

УШАКОВ. К ним в голову выходим, а они не чешутся.

ВАСИЛИЙ. Могу киселя принесть. Со вчера остался.

УШАКОВ. Ну, с Богом! (*сняв шляпу, перекрестившись*) Боевая тревога!!!

АЛЕКСАНДР. Боевая тревога!!!

ВАСИЛИЙ. Тревога? Ну, держитесь! Сейчас я свой мушкет принесу! Ох, принесу!

Василий убегает. Корабль «оживает»: грохочут барабаны, заливаются свистки и боцманские дудки, по палубе и трапам – грохот сотен ног.

АЛЕКСАНДР. Турки спускаются на нашу линию! Хотят отрезать от эскадры!

УШАКОВ. Не успеют… «Бериславу» и «Стреле» прибавить парусов!

АЛЕКСАНДР. Сигнальщики! «Бериславу» и «Стреле» прибавить парусов!

УШАКОВ. Артиллеристы! По сближению – огонь!

АЛЕКСАНДР. По сближению – огонь! (*Пушечный гром*.) «Берислав» дал залп!

УШАКОВ. Добро! И мы поддержим! Глянь-ка, Эски-Гассан заволновался! Сигнал за сигналом поднимает. Вот оно что – линия растянулась!.. Турки огонь открыли!

Появляется Василий с мушкетом и пистолями за кушаком.

ВАСИЛИЙ. Ох, пальну сейчас!

УШАКОВ. Василий, ты зачем здесь?

ВАСИЛИЙ. Воевать! Батюшка, под ядра не лезь. Кафтан береги… Ой, какой ты в нём красавчик! Как я вовремя его почистил.

УШАКОВ. Глянь, чего там капитан Лавров с артиллеристами?

ВАСИЛИЙ. Сей момент… Господи, там темень непроглядная! Сплошной пороховой дым! Вижу Лаврова! Командует!.. Работают без суеты, как на учениях.

УШАКОВ. Молодцы, ребятушки!.. Надо бы подбодрить.

ВАСИЛИЙ. Сей момент… Эй, братцы-артиллеристы! На вас вся надежда! Чтоб каждое ядро либо топило, либо жгло! Ушаков доволен! Молодцы! (*Крики: «Ура!»*) Услышали!

АЛЕКСАНДР. Кажется, против нас повёртывает тот большой! И ещё два заходят!

УШАКОВ. Никак сам капудан-паша прибавил паруса? Ага, раскусил я твой манёвр, «крокодил». Хочет взять «Берислава» и «Стрелу» на абордаж… Поднять все возможные!

АЛЕКСАНДР. Поднять все возможные!

ВАСИЛИЙ. Эх, где бы мне разместиться? Да так, чтоб с одного выстрела да самого капудан-пашу. Далеко, однако, для мушкета.

УШАКОВ. Береги пули, Василий. Тут даже из пушки до них пока вряд ли…

Прилетает ядро, отбивает поручень, всех на шканцах осыпает щепками.

УШАКОВ. Первое попадание в нас. Пристреливаются. Все целы?

АЛЕКСАНДР. Цел.

ВАСИЛИЙ. Ах, негодяи, мушкет поцарапали!

УШАКОВ. Василий, у тебя кровь на голове и рубахе!

ВАСИЛИЙ. Ерунда! Мушкет жалко. У грека на рынке в Севастополе выменял.

УШАКОВ. Стреляет? Очень он какой-то…

ВАСИЛИЙ. Конечно, стреляет! Правда, не всегда.

УШАКОВ. Весь огонь по двум передовым кораблям турок!

АЛЕКСАНДР. Огонь по двум первым!.. У нас паруса пробиты! Рвутся! Ванты!

ВАСИЛИЙ. И фор-стеньга подозрительно трещит!

УШАКОВ. Всё, нас теперь ничто не остановит! Гляди, ход какой! Вырвались!.. А их передовые без капудана никак оробели! Не нравятся подарки от наших артиллеристов.

ВАСИЛИЙ. До этого у них густо на палубах народу было, а теперь и нет никого!

АЛЕКСАНДР. Фёдор Фёдорович, а ведь поворачивают! Оба фрегата поворачивают! Убегают! Даже на сигналы флагмана никакого внимания! Убегают!

УШАКОВ. Ну, дела… Капудан-паша по своим палит! Обиделся!

АЛЕКСАНДР. Требует вернуться! А те уходят! Уходят! Мы что, победили?

УШАКОВ. Погоди. Сейчас всё решится. Сильно мы Эски-Гассана разозлили. После бегства этих храбрецов, он передовым оказался.

ВАСИЛИЙ. Сейчас на нас кинется.

АЛЕКСАНДР. Вот бешеный! Залп за залпом! На «Берислав» прёт!

ВАСИЛИЙ. Фок-мачту у них перебил! А у «Стрелы» борт разворотил! Это чем он пуляет?

УШАКОВ. Двухпудовки! Мраморные ядра!.. Эх, весь верхний рангоут… И паруса – в клочья… Надо помочь! Весь огонь на капудан-пашу! Бить брандскугелями!

АЛЕКСАНДР. Весь огонь – по флагману! Зажигательными!

ВАСИЛИЙ. Ага! Закурил, красавец!

АЛЕКСАНДР. Это с «Кинбурна» ему накидали!

УШАКОВ. Молодец, Николай Петрович! Ай да старик Кумани!.. А этот «крокодил» отчаянно отстреливается. Но больше склянки не продержится. Всё! Не выдержал!

АЛЕКСАНДР. Поворачивает! Бежит! Смотрите, удирает хвалёный «крокодил»!

УШАКОВ. Он с ума сошёл? Корму в аккурат «Бериславу» и «Стреле» подставляет. Лейтенант, командуй, пусть наши фрегаты накидают ему под хвост.

АЛЕКСАНДР. Беглый огонь по флагману!.. Может догоним? Добьём?

УШАКОВ. Если бы. Через пару склянок «крокодил» за горизонт уйдёт. Пора за его «детушек» взяться… Эскадре следовать нашим движениям! По сближении – бить книппелями!

АЛЕКСАНДР. Следовать за авангардией! Сблизиться с противником! Бить книппелями!

УШАКОВ. Будь готов, Василий. Сейчас на пистольный выстрел подойдём… Если не сбегут.

АЛЕКСАНДР. Совсем смешались…Стреляют беспорядочно… По своим же стреляют… Фёдор Фёдорович, они паруса ставят! Один за другим из боя выходят! Бегут!!! Преследовать?

УШАКОВ. Нет. Они легче на ходу, чем мы.

АЛЕКСАНДР. Фёдор Фёдорович! Так это же победа! Мы победили!

УШАКОВ. Да.

АЛЕКСАНДР. Ура! Мы победили! Ура!.. Виват, Ушакову! Виват!

УШАКОВ. Первый выигранный бой нашей эскадры на Чёрном море… Но прежде, чем праздновать, вот вам урок, лейтенант… Сразу, по свежей памяти, рапорт отписать надобно о ходе боя. Отметить для наград отличившихся матросов и офицеров.

АЛЕКСАНДР. Благодарю за науку, Фёдор Фёдорович!

УШАКОВ. Василий, помоги, собери цифры – потери, кто отличился… Ну, ты знаешь… По всей эскадре.

ВАСИЛИЙ. А с этими что делать? Которые за бортом.

УШАКОВ. Господи, как их много-то… Откуда столько?

АЛЕКСАНДР. Так помимо матросов, там десант был.

УШАКОВ. Выловить уцелевших. Соорудить плоты. Выдать воды и лепёшек. И пусть своих догоняют или к ближайшему берегу путь держат… (*лейтенанту*) Это ваш первый бой?

АЛЕКСАНДР. Так точно!

УШАКОВ. Поздравляю! Хорошо держались, Александр Николаевич. С боевым крещением! Я отмечу вас в рапорте. (*Василию*) Я в каюту. А ты не задерживайся. Стой! Ты бы разоружился. Уж больно страшен, братец. Одним своим видом уморить можешь.

ВАСИЛИЙ. Это они меня ещё с саблями не видели! Ты, батюшка, умойся, переоденься да киселя похлебай. А я пулей туда-сюда.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена 1

Веранда возле дома Ушакова. Рядом с верандой дымит огромный самовар. За столом на веранде Василий потчует чаем Тихона.

ВАСИЛИЙ. Всё-таки хорошо, что ты, Тихон, сюда перебрался. А с адмиралом я поговорю, чтоб тебя к нам, на флагман, взяли.

ТИХОН. Дай-то Бог… А то после службы на «Счастье» пожил у себя в деревне. Но всё не то. Отвык от земли, на море привычней.

ВАСИЛИЙ. А мне и возвращаться некуда.

ТИХОН. Это как так?

ВАСИЛИЙ. Как в сказке. Было у отца три сына. Так вот я – третий. Мой батюшка тремя лавками в Твери владел. Старшие братовья лавками управляют. А я мир захотел посмотреть. Ну, и Отечеству послужить, коли Бог даст. Как представил, что всю жизнь проведу за прилавком, так и бросился отцу в ноги. Ревел-голосил, как баба, чтоб отправил меня на учёбу морскому делу… Сейчас и вспомнить-то стыдно… Чтоб прошение моё подписал о выходе из купеческого звания да что не скрываюсь от долгов… А он мне – в ухо! Ну и братья ещё добавили.

ТИХОН. Сильно досталось?

ВАСИЛИЙ. Ерунда. Батяня пригрозил наследства лишить.

ТИХОН. Беда.

ВАСИЛИЙ. А что наследство?.. Отлежался-оклемался, ну и сбежал. Много чего повидал. Жизни полной ложкой хлебнул. А затем батя меня в Санкт-Петербурге нашёл. Ни слова не сказал, лишь письмо молча отдал, чтоб я к своему прошению приложил. И уехал.

ТИХОН. Так ни слова и не сказал?

ВАСИЛИЙ. Ни обнял, ни руки не пожал. Уехал. А я тоже хорош – стою, молчу, слезами давлюсь. Но вида не показываю. Я ему писал затем несколько раз. Хвастался, что матросом на императорскую яхту поступил. Он не ответил. Ни разу. Но деньги мне присылал регулярно, хотя я его не просил… Я их откладывал, не тратил, чтоб потом

вернуть… Но отец умер. Братья поделили меж собой, что батюшка завещал. Мне от них кукиш и завет – не попадаться им, иначе зашибут.

ТИХОН. Почему?

ВАСИЛИЙ. Потому что меня винили в его смерти. Это со мной он ни слова, ни полслова. А дома только и разговоров, что обо мне. Гордился, говорят, мной. Даже хвастался, что младшенький у самой императрицы на яхте служит. Хоть кто-то из семейства в большие люди выбился… Ты, Тихон, ешь.

ТИХОН. Варение вкусное.

ВАСИЛИЙ. Сам варю. Баранки бери. Давай стакан, ещё чайку налью. Хорошо, что ты здесь – будет с кем поговорить.

ТИХОН. А он не заругает, что мы тут у самовара пыхтим?

ВАСИЛИЙ. Не боись, он сейчас с ин*ш*пекцией на кораблях… Как тебе самовар?

ТИХОН. Зверь, а не самовар.

ВАСИЛИЙ. Мой подарок Фёдору Фёдоровичу… Вспомнить страшно, как этого пузана на себе через весь город. Тяжёлый, зараза, но красивый. Сильно он мне понравился. Песочком надраил – теперь стоит, блестит… Подарок по случаю вручения ордена… За победу… Ордена… Вот, брат, запамятовал… А почему? Потому что у нас этих орденов и побед – без счёту. Ибо у нас всё просто. Вышли в море, нашли неприятеля, напали, победили – всё.

ТИХОН. А ежели их больше?

ВАСИЛИЙ. Так их всегда больше! И главное – у нас теперь кто флот водит? Ушаков. Аргумент? Ещё какой. А у них есть Ушаков? Нет… А у него не забалуешь: увидел врага, подлетел, навалял. Вот и весь аргумент… Ты ешь, ешь. Не обкапайся… Так и живём: он командует, я помогаю… А этот храбрец Войнович так и не примирился, что наш благодетель оказался победителем у Фидониси. Это когда я почти сотню турок спас… которые уцелели… из моря выловил.

ТИХОН. Один? Сотню?

ВАСИЛИЙ. Зачем один? Помогали… Сам посуди, командир эскадры наблюдает в сторонке как начальник его авангардии такую победу учинил. И ведь что удумал! Притворился контуженным. В ногу ранетым. На берег его на руках сносили, а там – на носилки. Чтоб все видели, как он не щадил себя. Офицеры смотрят: «Что это с вами, Марко Иванович?» А он: «К чему удивления? Не с прогулки возвращаемся!»

ТИХОН. Какой хитрый.

ВАСИЛИЙ. Этот контуженый Потёмкину такого нагородил в донесении, мол, почти в одиночку всех турок победил. А всех, кого Ушаков к наградам представил, будто и нет. Когда наш узнал об этом – осерчал. Хотел на дуэль вызвать.

ТИХОН. За такие дела – в морду надо!

ВАСИЛИЙ. Нет у них морд. У них – лица.

ТИХОН. Емелька Пугачёв не разбирал – морды али лица. Верёвочку на шею да на ворота. Или сабелькой – вжик – и нет башки ни с лицом, ни с мордой.

ВАСИЛИЙ. Ты с этим аккуратно. Я-то понимаю, а кто другой может и того… Варение ешь. Не обкапайся… А награды дали. Всем, кто заслужил. Светлейший по справедливости разобрался. Прежде всего уволил Мордвинова.

ТИХОН. Это кто?

ВАСИЛИЙ. Как кто? Адмирал. Который нашего благодетеля невзлюбил. Я рассказывал.

ТИХОН. Ты столько всего рассказывал. В голове – куча. Разгребать – не разгребёшь.

ВАСИЛИЙ. Экая у тебя голова, братец, незатейливая. Было бы чего разгребать… Вот миллион… Миллион рублей… Представил?

ТИХОН. Нет, не могу.

ВАСИЛИЙ. Это очень-очень много. А государева казна дала адмиралтейству миллион. Для нужд всяких. Затем проверили. Батюшки! Ни в чём экономии нет. Этот Мордвинов так денежками из казны сорил, что корабли при постройке дороже некоторых крепостей становились. Вызвали его. Как так? А тот, мол, не знаю, само как-то. В имении сейчас сидит, суда ожидает. А вместо него Светлейший назначил Войновича.

ТИХОН. Контуженого? Ну, дела.

ВАСИЛИЙ. Ибо так матушка-императрица пожелала… А я думаю, это Светлейший схитрил. Одним ударом – двух зайцев. Убрал дурня Мордвинова, а контуженого храбреца Войновича – в Херсон. Чтобы Черноморский флот получил настоящего боевого флотоводца, Ушакова… Давай ещё чайку налью.

ТИХОН. Погоди, дай дух перевести.

ВАСИЛИЙ. А недавно нас Потёмкин вызвал к себе в Яссы. Мы на лошадях отправились через Молдавию… Господи, благодать-то какая! Степь, солнце, птицы, цветы! А небо! Ширь! Приволье!.. Приехали. Спрашивают: «Кто? Откуда?». А мы: «Контр-адмирал Ушаков из Севастополя». «Пожалуйте сюда, ваше превосходительство. Здесь вам покои приготовлены. Отдохните с дороги. Князь вас примет». А в комнатах – красотища: ковры, мебель, зеркало огромное и часы бронзовые. А лакеи там такие важные, такие красивые. И все в малиновых ливреях с золотыми окаёмками. Фёдор Фёдорович умылся, побрился. Я его в адмиральский мундир со всеми орденами. Стоит как статуэтка, позвякивает. Ждём. А не зовут. Еще ждём. А благодетель-то с дороги уморился, сел в кресло и задремал. Не стал будить. Решил пройтись, осмотреться. Пару раз едва не попался этим в ливреях. Так бесшумно ходят. А ну-ка встань.

ТИХОН. Зачем?

ВАСИЛИЙ. Ну, встань, встань. Повернись. Думаю, подойдёт. (*Выходит из комнаты. Затем возвращается с малиновым сюртуком.*) А ну-ка, друже, примерь!

ТИХОН. Это мне?

ВАСИЛИЙ. Надевай. Какой красивый сразу стал. Вот что дорогая вещь с человеком делает. Можно сказать – преображает. Ну, если подожмёшься немного. Нравится?

ТИХОН. Очень нравится. И пуговицы красивые.

ВАСИЛИЙ. Дарю. Вместе с пуговицами.

ТИХОН. Да ты что, Василий! Такая одёжа дорогая.

ВАСИЛИЙ. А я говорю – бери. Могу я подарок хорошему человеку сделать? Могу.

ТИХОН. На рынке продай. За такой сюртук много дадут.

ВАСИЛИЙ. Не переживай – у меня таких три. Носи на здоровье. Зачем снимаешь?

ТИХОН. Чтоб не попортить. Такой только по большим праздникам носить. Огромное спасибо тебе, Василий.

ВАСИЛИЙ. Да полно тебе. Положи в сторонку. Давай ещё чайку налью.

ТИХОН. Можно я его на колени положу? Жалко на пол. И ткань богатая. А пуговицы!

ВАСИЛИЙ. Только не обкапайся. Так вот. Вызвали. Я за дверью остался, но в щёлочку всё видел. Правда, не всё слышал. А разговор серьёзный, о делах важных, государственных.

ТИХОН. Может, не надо тогда о них рассказывать?

ВАСИЛИЙ. Ты человек серьёзный. Тебе можно.

ТИХОН. Да, я такой.

ВАСИЛИЙ. «Как флот?» – спрашивает. «В полном порядке, ваше Сиятельство». Затем про пушки что-то… У России, говорит, врагов много. И здесь, и в Европе. Французы строят туркам крепости – укрепили Анапу, Очаков, теперь в Измаиле ковыряются. Англичане могут в проливы пожаловать. Да и сами турки не будут мириться со своим положением. После Рымника султан прогнал великого визиря. Вместо него теперь Эски-Гассанпаша. Умная бестия! А капуданом поставил двадцатидвухлетнего Гуссейна.

ТИХОН. Совсем мальчишка!

ВАСИЛИЙ. Голова горячая, в бой рвётся. Обещал разрушить Севастополь и вернуть Крым… Затем снова о флоте: о ремонте кораблей, о досках, гвоздях. Фёдор Фёдорович, молодец, смоляных тросов выпросил, рубах для матросов – пяток тысяч. А Светлейший про Севастополь – строится ли? А тот ему: «Вы бы его сейчас не узнали, Ваше Сиятельство. Чудесный город». А Потёмкин аж посветлел, заулыбался.

ТИХОН. Да, красивый город. Пока тебя искал, походил, посмотрел. Красивый город.

ВАСИЛИЙ. Затем нас уговаривать стал, мол, погостите. А мы: «Нет. Спасибочки». Балы дело хорошее, но у нас эскадра несколько дней без присмотра. Волнуемся. Да и не привычные мы к светским увеселениям, мы люди простые, флотские. А Потёмкин, по-доброму так, возьми, да и скажи: «Помню, помню, как ты матушку императрицу на яхте учил морским порядкам, склянки осваивать».

ТИХОН. Я тоже эти склянки помню. Он даже решил, что я пьющий. А я вообще ничего такого! К тому же – на вахте! Это как смертный грех, только хуже!

ВАСИЛИЙ. Ну вот! Обкапался! Не боись, сейчас очистим! Я способ знаю. Мне одна татарка на рынке подсказала… А Потёмкин на прощание: «Пока я жив, Фёдор Фёдорович, ни Черноморского флота, ни тебя никто не обидит!» Вот так… Нет, тут рукой не оттереть. Сейчас очистим. И хватит унывать! Не получится, так у меня ещё три осталось.

Сцена 2

Санкт-Петербург. Беседка в парке. Екатерина в окружении фрейлин разговаривает с Чиновником из Адмиралтейств-коллегии.

ЕКАТЕРИНА. Благодарю вас. Ступайте… Хотя постойте. Как ваши успехи на театральном поприще? Вы намеревались написать пьесу о моём Черноморском флоте.

ЧИНОВНИК. В самое ближайшее время закончу второй акт, Ваше Величество.

ЕКАТЕРИНА. Не терпится ознакомиться. А о его родителе, Григории Александровиче Потёмкине… Нашлись ли для него там строки?

ЧИНОВНИК. Разумеется. Царствие ему Небесное. Нам так не хватает его.

ЕКАТЕРИНА. Нам тоже его не хватает. Всё уныло и блекло. Словно радость ушла с ним. Может, вы порадуете меня фрагментом из вашей пьесы? Понимаю, что не дописана. Но очень вас прошу… На чём вы остановились?

ЧИНОВНИК. Изложил на бумаге про Керченское морское сражение и Сражение у мыса Тендра. Обдумываю сценическое воплощение оных. Столько пушек, столько кораблей… А матросов и солдат – не сосчитать.

ЕКАТЕРИНА. Об этом не беспокойтесь. Если мне понравится пьеса, то все расходы для её воплощения я выделю из своих личных денег. Помню, сцена с бурей в вашем исполнении меня впечатлила, очень понравилась.

ЧИНОВНИК. Благодарю, Ваше Величество… Почти закончил сцену сражения эскадры Ушакова с турецким флотом у мыса Калиакрия.

ЕКАТЕРИНА. Мне Гришенька, помню, объяснял. Какая-то невероятная победа? Так?

ЧИНОВНИК. Это шедевр! Жемчужина! Султан очень расстроился, когда понял, что на Чёрном море появился новый хозяин. И вообще ему надоело, что его огромный флот постоянно избивает малочисленная эскадра Вашего Величества… Ну, и решил положить этому конец. Призвал на помощь эскадры из приморских своих владений. И среди адмиралов – легендарного алжирского пашу Саит-Али. Известного морского наездника.

ЕКАТЕРИНА. Наездника?

ЧИНОВНИК. Проще говоря – пирата. Тот поклялся султану, что пленит и привезёт в Константинополь самого Ушак-пашу. Даже клетку для этого приготовил.

ЕКАТЕРИНА. А кто такой Ушак-паша?

ЧИНОВНИК. Ваш флотоводец, Ваше Величество. Адмирал Фёдор Фёдорович Ушаков.

ЕКАТЕРИНА. Вот как? Уважают, ненавидят и боятся… Очень хорошо.

ЧИНОВНИК. Итак… Два часа по полудни. Солнечный день. Ушаков стоит на шканцах, глядит в подзорную трубу… У Калиакрии – лес мачт! Под прикрытием береговой батареи на рейде весь соединенный турецкий флот. И ветер у них – дует с берега… Эскадру заметили… Что делать?.. На русских кораблях сигнальщики напряжённо ждут приказа адмирала.

ЕКАТЕРИНА. Барышни, успокойтесь! Хватит дрожать! Налейте себе воды!.. И что?

ЧИНОВНИК. Все замерли! Все взоры на Ушакова! Его взгляд становится суровым. Его брови сдвигаются к переносице в напряжённом раздумье… И вдруг он улыбается!

ЕКАТЕРИНА. Улыбается? Как улыбается? Почему улыбается?

ЧИНОВНИК. Он понял! Он знает, что делать! Господь подсказал ему. Он даёт приказ! Ставить все паруса! Строй не менять! Идём между берегом и турецким флотом!

ЕКАТЕРИНА. Между молотом и наковальней! Смелый манёвр.

ЧИНОВНИК. При сближении бить по флагману! Всем правым бортом! А турки не верят своим глазам! Похоже, знаменитый Ушак-паша лишился ума! Мало того, что его силы значительно уступают флоту султана, так русский флотоводец даже не перестроил свою эскадру. Внезапность и решительность! Не теряя ни минуты, он ведёт русские корабли между мысом и эскадрой неприятеля под огнём береговых батарей… И молниеносно атакует! Турки в смятении! Хотят дать отпор! Неразбериха! Неприятельские корабли хаотично обстреливают друг друга! А Ушаков, сея панику, врезается в самую гущу боя!.. Затем разбитый турецкий флот убегает. «Не отпускать! Не дать уйти! Прибавить парусов!»

ЕКАТЕРИНА. Запишите, произвести Ушакова… Какое у него очередное звание?

ЧИНОВНИК. Вице-адмирал.

ЕКАТЕРИНА. Произвести в вице-адмиралы. Подготовьте документ. Я подпишу.

ЧИНОВНИК. Будет исполнено, Ваше Величество.

ЕКАТЕРИНА. Помню… Селим Третий так испугался. Долго я смеялась. Да и сейчас – как вспомню посла. Такой важный, заносчивый. И вдруг – раз – сговорчивый, как телёнок.

ЧИНОВНИК. Ещё бы!.. Предутренний Константинополь. Тишина. И вдруг пушечный залп! Все взоры на Босфор. А там – обгорелые остатки уцелевшей эскадры. «Зачем ты стрелял, Саит-Али?» «О, великий султан, твоего флота больше нет. За нами гонится Ушак-паша. Мой корабль не доживёт до утра. Необходимо дать приказ снять уцелевшие пушки и переправить их на берег для защиты города». Но султан понял, никакие пушки не остановят рвущегося на всех парусах к Константинополю этого непобедимого русского. «Хотел бы я иметь у себя такого адмирала… Срочно отписать визирю. Перемирие без проволочек». А в это время в Босфоре медленно опускался на дно корабль Саит-Али.

ЕКАТЕРИНА. Благодарю, порадовали. Красивая получится пьеса… «Медленно опускался на дно»… А как сейчас на Чёрном море?

ЧИНОВНИК. Всё спокойно. Войны не предвидится. Адмиралтейство переведено из Херсона в ваш новый город – Николаев. Новый генерал-губернатор Таврический Платон Зубов назначил нового главного начальника Черноморского правления.

ЕКАТЕРИНА. Напомните – кого?

ЧИНОВНИК. Вновь Мордвинова Николая Семёновича.

ЕКАТЕРИНА. Странно. Если не путаю, он суда дожидался? Кажется, что-то с казнокрадством? Разве суд состоялся? Его оправдали?

ЧИНОВНИК. Насколько знаю – нет. Но могу ошибаться. Я перепроверю.

ЕКАТЕРИНА. Хорошо. Более вас не задерживаю. Буду ждать вашу пьесу. Всего хорошего.

Сцена 3

Комната в доме Ушакова. Адмирал в парадной форме ходит из угла в угол.

УШАКОВ. Господи, вразуми их! Себя гробят! Отечество гробят! (*Входит Василий с едой на подносе. Расставляет её на столе.*) Василий, они даже не понимают, что творят!

ВАСИЛИЙ. Да пёс с ними!.. Сходил на приём. Даже толком не накормили.

УШАКОВ. Ты бы слышал, что они… Такое возмущение берёт! До сих пор успокоиться не могу! Ну, ничего! Я этому Мордвинову всё сказал! Прямо в лицо!

ВАСИЛИЙ. Правильно!.. Вот уж непотопляемое, прости Господи… Давай помогу сюртук снять. Приберу в сундук. А пока халатик турецкий накинь. Садись, кушай.

УШАКОВ. Откуда у меня такой халат? (*Василий выходит из комнаты, унося китель.*) Василий, ты где его взял? (*Входит Василий*.) Я не покупал.

ВАСИЛИЙ. Нравится? А материал, материал потрогай! Конечно, не покупал! От тебя дождёшься. Твоя бы воля, только в форме и ходил – и на службу, и по дому, и в баню… О себе совсем не думаешь! Всё о других, о других. Не адмирал, а золото! Садись, ешь, батюшка. Потом халат рассмотришь.

УШАКОВ. И всё-таки… Сразу видно – вещь дорогая.

ВАСИЛИЙ. Конечно, дорогая! Ты теперь адмирал! Должен соответствовать. На рынке у грека купил. Долго торговались. Но ничего – он уступил. Дожал инородца.

УШАКОВ. За сколько сторговался?

ВАСИЛИЙ. Ты о деньгах-то не думай, батюшка. Ты о флоте да об Отечестве думай. Жалование хорошее мне положил, тратить его всё равно пока некуда, поэтому… Могу я своему благодетелю подарок сделать? Могу. Поэтому носи на здоровье… Ты кушай. Не обкапайся. Ох, вижу, что душа у тебя не на месте. Ну, рассказывай, батюшка, чем тебя на адмиралтейской комиссии огорчили.

УШАКОВ. Так я и говорю! После смерти императрицы, Царствие ей Небесное, как с ума посходили! Всё хотят поменять – и плохое, и хорошее! А зачем? Вот скажи, Василий, зачем Севастополь будем Ахтиаром именовать? Зачем? Что за глупости?

ВАСИЛИЙ. Батюшка, ты аккуратней руками размахивай… Не обкапайся… А при чём здесь адмиралтейская коллегия и Мордвинов?

УШАКОВ. Помнишь, недавно ходили в бухту двух уродцев смотреть?

ВАСИЛИЙ. Каких уродцев?

УШАКОВ. Ну, два корабля из Херсона привели, которые по мордвиновским чертежам…

ВАСИЛИЙ. А, эти… Рыскающие поросята.

УШАКОВ. Точно! Поросята. Валкие до безобразия. Они что себе возомнили? Для них флот – игрушка? Или всё-таки необходимо Отечество защищать?

ВАСИЛИЙ. Не обкапайся, батюшка... Защищать! Конечно, защищать!

УШАКОВ. Корабль Черноморского флота должен быть быстроходен, мощно вооружён, удобен в управлении… А проекты Мордвинова – это гробы для моряков!..

ВАСИЛИЙ. Сейчас я тебе, батюшка, кофию принесу. (*Уходит. Возвращается с кофейником и чашкой на подносе. Составляет их на стол, наливает кофе*.) И что этот кабинетный адмирал знает? Он, насколько помню, дальше Очакова на Чёрном море и не бывал. Знает он, как шпангоут в походе рассыпается?

УШАКОВ. А как кницы и бимсы лопаются? Ни чёрта он не знает! Подходит ко мне с этой своей самодовольной улыбкой: «Как вы находите новые корабли?» Я ему правду: «Совсем непригодны корабли! Очень валки!» А он мне: «Однако мы в Херсоне провели испытания

и комиссии они понравились». Я и про комиссию хотел сказать. Еле сдержался… Дрянь, говорю, корабли. А он как закричит: «Вы слишком самоуверенны! Вы плохо воспитаны, сударь!» Стою, еле сдерживаюсь. А он не унимается. «Чем вы так кичитесь, господин Ушаков? Что вы такого сделали?» После таких его слов мне как-то даже гневаться расхотелось. Спокойно так отвечаю: «Память освежите. Сколько раз встречал неприятеля, столько раз его и бил. Перечислить победы?» Он аж задёргался: «Все ваши победы ничего не стоят! Вам везло!» Тут даже присутствующие офицеры засмеялись. Гляжу, а он едва не плачет от обиды.

В комнату заходит чиновник Адмиралтейств-коллегии.

ЧИНОВНИК. Не стоило так горячиться, Фёдор Фёдорович! Такую обиду он не простит.

ВАСИЛИЙ. Ваш знакомец, батюшка? Или взашей?

УШАКОВ. Знакомец… Проходите. Желаете кофе?

ЧИНОВНИК. Не откажусь.

УШАКОВ. Василий, чашку гостю.

ЧИНОВНИК. Вы быстро ушли. Я даже не успел поговорить с вами, Фёдор Фёдорович. А поговорить есть о чём.

УШАКОВ. Я своё мнение относительно этих кораблей не поменяю. Взяток не беру. Уговаривать – бесполезно. Пугать – не советую. Свой флот портить не позволю!

ЧИНОВНИК. Полностью с вами согласен. Лучше надо строить, прочнее. Я на вашей стороне, адмирал. Я, как и вы, радею за флот и за Отечество. Я не сторонник вредных для империи нововведений.

УШАКОВ. А вы изменились. Стали увереннее.

ЧИНОВНИК. Я прежний. Просто никто не желал всматриваться. Плюс опыт. А так прежний. Недавно у графа Безбородко была беседа с императором. Из екатерининских вельмож Павел прислушивается лишь к нему.

УШАКОВ. Почему вы решили, что это мне интересно?

ЧИНОВНИК. Он намерен реформировать армию. Организовать по-новому. По прусскому образцу. Графа Суворова – на покой.

УШАКОВ. Каковы его мысли относительно флота?

ЧИНОВНИК. Флот – расточительное удовольствие.

УШАКОВ. Господи, вразуми его! Угробит, угробит Отечество! Должны быть в его окружении люди, которые понимают, к чему подобная экономия может привести.

ЧИНОВНИК. Люди есть, они понимают. Но желающих сказать об этом – нет.

УШАКОВ. Сколько раз просил о личной аудиенции.

ЧИНОВНИК. Граф Безбородко напомнил ему об этом… Бесполезно. Передаю дословно: «Сам Ушаков усердный, но мне непонятный».

УШАКОВ. Что значит – непонятный?

ЧИНОВНИК. Не знаю, Фёдор Фёдорович. Странный он… Учредил особый комитет. Хочет всё на флоте посчитать. Под началом Кушелева. Думает его во главе Адмиралтейств-коллегии поставить… Считает, что Черноморский флот надобно сократить. До одной эскадры. И флотом не считать.

УШАКОВ. Угробит… Угробит.

ЧИНОВНИК. Одессу перестать строить. Ни к чему эти потёмкинские деревни. Хватит деньги тратить!

УШАКОВ. Экономией власть не утвердить – нужна сила державная. Для этого денег не жалеют.

ЧИНОВНИК. Вот и я так думаю. И граф Безбородко. Он и посоветовал Павлу не сокращать флот на юге, а прислушаться к здешним командирам. Де Рибас, конечно, жулик, на Одессе руки греет. Мордвинов, тот спит и видит аглицкие порядки на флоте. А вот Ушаков… Усердный. А ещё честный. И храбрый. И мудрый. Его даже враги уважают.

УШАКОВ. Хватит, хватит. Захвалили.

ЧИНОВНИК. Это слова графа Безбородко. Павел задумался. А ещё контр-адмиралу Карпову предписано с вами встретиться и узнать, что за надобность у вас к императору.

УШАКОВ. Он глупее, чем я думал… Ещё кофе? Или чаю? Помните, как вы меня чаем в Петербурге угощали? У меня отменный ром для гостей имеется.

ЧИНОВНИК. С удовольствием попробую.

УШАКОВ. Василий, слышал? Рому для гостя не пожалей. А мне с лимоном и яблочком.

ВАСИЛИЙ. Будет исполнено, батюшка.

ЧИНОВНИК. Почему вас моряки и низшие чины так любят? Столько рапортов с просьбой о переводе под начало адмирала Ушакова.

УШАКОВ. Я их за людей чту.

Входит Александр Николаевич – бывший лейтенант, ныне капитан-лейтенант.

АЛЕКСАНДР. Здравия желаю, ваше превосходительство!

УШАКОВ. А, старый знакомый… Поздравляю с повышением. Заслужил.

АЛЕКСАНДР. Благодарю, Фёдор Фёдорович. Вам срочный пакет от Его Императорского Величества. (*Ушаков берёт конверт, вскрывает его, читает*.) Разрешите идти?

УШАКОВ. А? Да-да, свободны. Ещё раз поздравляю. (*Александр, поклонившись, уходит.*) Ну и дела! У нас теперь союз с турками! Будем вместе воевать против французов! Приказано немедленно отправиться эскадрой к Константинополю.

ЧИНОВНИК. В какое странное время мы живём – всё так быстро меняется.

ВАСИЛИЙ. А вот и чаёк поспел.

УШАКОВ. Отставить чай! Срочно собираемся и выдвигаемся на корабль! (*Чиновнику*) Простите, в следующий раз чайком побалуемся.

ЧИНОВНИК. Понимаю. Служба есть служба. Счастливого вам пути! И новых побед. Да таких, чтоб Мордвинов даже пискнуть не мог!

УШАКОВ. Бог даст – будут и победы!

Сцена 4

Навес на берегу острова под охраной матросов. Василий суетится возле сундуков. Появляется Ушаков.

УШАКОВ. Потерял что-то? Василий, что случилось?

ВАСИЛИЙ. Кажется, я скатерть на корабле забыл.

УШАКОВ. Без скатерти обойдусь. Не красна девица.

ВАСИЛИЙ. Это точно. Девица из тебя, батюшка, страшненькая получилась бы. Ты у меня адмирал. А адмиралам без скатерти – нельзя. Сейчас что-нибудь придумаю.

УШАКОВ. Как тебе остров богини любви?

ВАСИЛИЙ. Кого?

УШАКОВ. Афродиты… Говорят, она здесь ходила.

ВАСИЛИЙ. Глупая женщина. Могла бы повеселее островок выбрать. Камни да скалы.

УШАКОВ. А крепость в заливе, как и думал, – пустяковая. А вон та, на горе, основательная.

ВАСИЛИЙ. И что с этой основательности? Приготовлений больше. Целый день потратили. Десант высадили. Пушки на канатах через овраги и скалы притащили. Устроили две батареи. Все припасы, которые на плечах пёрли, разложили. И только наши молодцы к штурму приготовились, они белый флаг выбросили.

УШАКОВ. А что в этом плохого? Это хорошо. У нас все целы. И французский гарнизон избежал уничтожения.

ВАСИЛИЙ. Да разве так воюют? Они враги. Их бить надо.

УШАКОВ. Какой ты, братец, кровожадный. Это сейчас враги, а завтра, может быть, союзники. Вот как турки. Воевали, воевали, и вдруг – раз – союзники.

ВАСИЛИЙ. Они только что тебя убить хотели, а ты их под «честное слово» отпускаешь. Да ещё пообещал всех пленных в Марсель отправить… Вон, на берегу сидят, наши сухари едят да воду пьют. А те, у костра, вообще смеются.

УШАКОВ. А чего им не смеяться? Смерть стороной прошла – вот им и радостно.

ВАСИЛИЙ. Вот умный ты человек, Фёдор Фёдорович… Адмирал… А никак понять не можешь… Гляди-ка, а к нам гости… Вот этого и боялся – надо гостей принимать, а у меня скатерти нет!

Появляется Александр.

УШАКОВ. Проходите, рад видеть вас. Кадыр-бей не замучил своими расспросами? Желаете кофе? Василий, угости гостя кофе.

АЛЕКСАНДР. Не стоит беспокоиться. Я по весьма срочному делу… Кадыр-бей просит у вас позволения употребить военную хитрость.

УШАКОВ. Какую?

АЛЕКСАНДР. Узнал, что пленные французы живут в лагере на берегу.

УШАКОВ. Да, вон сидят.

АЛЕКСАНДР. Он просит разрешения, чтобы… Он хочет, чтобы его люди подобрались к ним ночью и тихонько всех вырезали. А головы забрали с собой. Каждому воину за голову врага обещано вознаграждение… Они собирают их в мешки… Если бы вы знали, Фёдор Фёдорович, какая там вонь в трюмах от этих трофеев.

ВАСИЛИЙ. Ну и союзники… Традиции, мать их так!

УШАКОВ. Надо до вечера отправить пленных домой, от греха подальше… Сейчас решу, кого под это дело отрядить… А это что за делегация?

ВАСИЛИЙ. Кого-то в гости ведут. А скатерти так и нет!

Появляется французский офицер и Тихон.

УШАКОВ. О, старый знакомый. Тихон! Ну, как на новом месте службы?

ТИХОН. Очень вам благодарен, Фёдор Фёдорович… Это от капитана Поскочина. Сей француз очень просил о свидании с вами. Капитан распорядился. Вот я его к вам и того.

УШАКОВ. Кто такой? Чего хочет?

ТИХОН. Комендант крепости острова Кефалония… Который ключи от крепости самолично отдал… Полковник Ройе.

ВАСИЛИЙ. Смех, а не ключи. Думал, они красивые будут, а глянул – обычные, как от амбара.

УШАКОВ. Господин полковник, я не силён во французском. Я не понимаю вас.

АЛЕКСАНДР. Я переведу… Благодарит капитана Поскочина. Называет его спасителем французов. Просит о награде для капитана. Уверяет, что он спас их от расправы. Кефалонцы едва не растерзали их. Обращались, как с преступниками. Издевались. Он возмущён. Говорит, так нельзя обходиться с образованными людьми.

УШАКОВ. Какой нахал… Вы называете себя образованными, но ваши деяния говорят о другом. Судя по тем рапортам, которые я получил от Поскочина.

АЛЕКСАНДР. Уверяет, что не сделал ничего порочащего честь мундира. Он вёл себя, как подобает французскому офицеру.

УШАКОВ. Ложь! Я встречался с французскими офицерами и знаю, как они умеют сражаться! Вы, сударь, катастрофически поздно взялись укреплять вверенный вам остров! Вы ничего не сделали для сопротивления! Ни одно орудие не выстрелило! Мы даже не успели выдвинуть вам условия для сдачи, а вы уже сдались! Вы не француз! Тем более, не французский офицер! То, что касается поведения капитана Поскочина, меня это не

удивляет. Всякий русский офицер поступил бы так с поверженным неприятелем! Отведите его вон туда, к соотечественникам… Что он говорит?

АЛЕКСАНДР. Удивлён. Не ожидал от русского адмирала упрёков за то, что он плохо воевал с ним!

ВАСИЛИЙ. Меня кровожадным назвал, а сам такой фитиль французу вставил… Пойду, надо что-то вместо скатерти найти.

Василий уходит. Появляется несколько российских офицеров, здороваются с Александром.

УШАКОВ. Располагайтесь, господа офицеры.

АЛЕКСАНДР. Фёдор Фёдорович, пока не начался совет… Как вы всё-таки решились на взятие Корфу? Это чрезвычайно рискованное и почти невыполнимое дело. В истории не было примеров, чтобы флот шёл на приступ крепости.

УШАКОВ. И турки сомневались… А где Василий? Пить хочется… Не зря мы усердно тренировались с лестницами и канатами. На скалы взбирались словно мураши. Пошли – не остановишь. Огнём с моря хорошо поддерживали, аккуратно. Всегда бы так... Гляжу, не все ещё собрались.

АЛЕКСАНДР. Сенявина нет и ещё нескольких офицеров… И турки с албанцами пока не объявились.

УШАКОВ. Обождём… Василия не видели?

АЛЕКСАНДР. Здесь где-то был.

Вбегает Василий.

УШАКОВ. Что с тобой? Черти гонятся?

ВАСИЛИЙ. Фёдор Фёдорович! Дай денежек! Свои все потратил! Некогда на корабль бежать!

УШАКОВ. А много надо? Зачем?

ВАСИЛИЙ. Там турки пленным головы рубят! Метакса и лейтенант Головачёв кого могут – выкупают! У них тоже скоро деньга закончится! Спасать надо!

УШАКОВ. Господа офицеры, прошу вас, срочно разберитесь! Возьмите матросов и солдат! Позже я поговорю с Кадыр-беем о дисциплине.

Офицеры убегают. Ушаков опускается на скамью. Ему тяжело дышать.

ВАСИЛИЙ. Что с тобой, батюшка?

АЛЕКСАНДР. Может, медикуса? Я мигом!

УШАКОВ. Сейчас пройдёт. Отдышусь немного и пройдёт… Василий, дай воды.

ВАСИЛИЙ. Пей, батюшка. Пей, голубчик. Напугал… Давай-ка тряпицу смочу да на лоб. Посиди, подыши… Ох, и напугал.

УШАКОВ. Думал, подобных инцидентов более не будет… После случая с генералом Пивроном. Кадыр-бей дал обещание приструнить своих.

ВАСИЛИЙ. А что с генералом?

АЛЕКСАНДР. Нашли в груде обезглавленных тел. Едва живого. Прятался там.

УШАКОВ. И вроде голова на плечах, а будто и нет.

АЛЕКСАНДР. С ума сошёл.

УШАКОВ. Кадыр-бей и я, мы сами приняли их капитуляцию. Согласились с их условиями. Получается, мы обманули их? Я сам угощал их кофе после капитуляции – и генерала Шабо, и… Господи, стыдно-то как!

ВАСИЛИЙ. Не терзай себя, батюшка!.. Мы честно старались, как можно больше их спасти… Я даже свой орден – Святой Анны за четырёх французов выменял.

УШАКОВ. Как так? Ты что это? Император впервые в истории государства Российского пожаловал особо отличившимся матросам такую высокую награду. А ты орден на мену?!

ВАСИЛИЙ. Так я говорю – деньги кончились! Если бы турок на мену сапоги попросил – я б и сапоги отдал!.. Как глянул в глаза тех несчастных французиков – так и обмер. Сам Господь на меня оттуда смотрит… Я как закричу: «Всё отдам, басурманин! Всё бери, нехристь! Только пожалей моего Господа и душу мою грешную!» Вот и отдал. Так что не гневайся, батюшка. Бог даст – еще награды будут, заслужу.

АЛЕКСАНДР. Позволь мне пожать твою руку. (*Пожимает руку Василию.*) Я искренне горд, что в российском флоте есть такие люди!

УШАКОВ. Братец ты мой, Василий, иди ко мне! Дай-ка я тебя обниму, добрая душа!

АЛЕКСАНДР. Офицеры возвращаются на совещание… А вон и Кадыр-бей со свитой.

УШАКОВ. Помоги-ка мне, голубчик, подняться.

ВАСИЛИЙ. Ты только без криков. Побереги себя, батюшка.

УШАКОВ. Постараюсь… А ты приготовь-ка нам, братец, кофе.

ВАСИЛИЙ. На всех?

УШАКОВ. Да. Разговор долгий будет.

ВАСИЛИЙ. На такой отряд – кофейника мало будет. Надо котёл вскипятить. А что останется – на постирку использую.

Сцена 5

Санкт-Петербург. Кабинет в Адмиралтейств-коллегии. Чиновник за столом пишет. Входит Ушаков.

ЧИНОВНИК. Уважаемый Фёдор Фёдорович! Рад видеть вас в добром здравии!.. Проходите, проходите… Очень ждал вас.

УШАКОВ. Что относительно прошения об отставке? Император подписал?

ЧИНОВНИК. Однако, как вы сразу быка за рога… Можете уделить мне несколько минут?

УШАКОВ. Могу.

ЧИНОВНИК. Присаживайтесь. Сейчас чайком угощу. Никакого рома! Я помню. (*Звонит в колокольчик. Появляется секретарь*.) Голубчик, угости-ка нас с адмиралом чаем… Просто чаем… И вазочку с тем душистым варением. Благодарю. (*Поклонившись, секретарь уходит*.) Вот, Фёдор Фёдорович, теперь это мой кабинет.

УШАКОВ. Почти не изменился. Карты другие.

ЧИНОВНИК. Да, другие… У меня к вам вопрос, так сказать, интимного характера.

УШАКОВ. Что такое?

ЧИНОВНИК. Не собираетесь ли вы публиковать свои дневники? Может, желаете рассказать потомкам о своих походах, так сказать, в книжном варианте? Или мемуары пишете? Можно мне с ними ознакомиться?

УШАКОВ. Дневников не веду, мемуаров не пишу. Отчётами после похода замордовали. Желание писать напрочь отбили. Да и не нужны никому мои воспоминания. При дворе очень чётко дали это понять. Сами видите, чем приходится заниматься – настаивать на собственной отставке. Даже в такой мелочи хотят унизить.

ЧИНОВНИК. Неправда! Министерство вас ценит! Вы нам очень нужны.

УШАКОВ. Не обманывайте ни меня, ни себя… Чем могу быть вам полезен? Именно вам… Новому императору и Отечеству я не нужен – это я понял… Если продолжите врать, встану и уйду.

ЧИНОВНИК. Я пишу пьесу. Уже несколько лет. Ещё бабке нынешнего императора обещал. Да всё как-то… А пора заканчивать. Могу и не успеть.

УШАКОВ. Решили стать литератором?

ЧИНОВНИК. Есть такая мечта. По выходу на пенсию, намерен не только пьесу, но и воспоминания о выдающихся людях оставить потомкам. Сам я человек заурядный, ничего особенного. Был – и вот уже нет, в землице лежу. А пьеса о флоте, о Черноморском флоте, о Потёмкине, о вас, о кораблях, о матросах, о первых победах.

УШАКОВ. Хорошее дело. Но если можете не писать – не пишите.

ЧИНОВНИК. Я императрице слово дал. Буду писать. А там как Бог даст.

УШАКОВ. Чем смогу – помогу. Спрашивайте.

ЧИНОВНИК. Можно сразу кое-какие пометки делать буду?

УШАКОВ. Пожалуйста. Как вам удобно.

ЧИНОВНИК. Итак, одержаны блестящие победы, покорены Ионические острова…

УШАКОВ. Освобождены.

ЧИНОВНИК. Хорошее уточнение. Освобождены… Штурмом взята крепость Корфу. Получено долгожданное звание адмирала. А дальше?

УШАКОВ. А что дальше? Надо было помочь Суворову. Его армия с весны дралась в Ломбардии и Пьемонте с французами. Мне предписывалось изгнать их из Неаполя и Рима. Отрядил к берегам Италии капитана Сорокина с четырьмя фрегатами. Только он показался у Бриндизи, французский гарнизон бежал. А Сорокин высадил десант. Шестьсот человек.

ЧИНОВНИК. Как-то маловато.

УШАКОВ. Французам так не показалось. Наши храбрецы за двадцать дней освободили две трети королевства Сицилии. Ещё и Неаполь заняли. Итальянские республиканцы и французы сдались. Им гарантировали неприкосновенность. Со стороны Англии такую гарантию подписал представитель Нельсона капитан Фут.

ЧИНОВНИК. Есть информация о Нельсоне. Когда он узнал, что русские взяли Неаполь, мигом примчался туда… Говорят, в Палермо жила его возлюбленная, жена британского посла, леди Эмма Гамильтон. Она состоит в дружбе с королевой Сицилии Каролиной.

УШАКОВ. Прекратите смаковать эти сплетни!

ЧИНОВНИК. Это не сплетни. У меня есть копии документов. Мне, как будущему литератору, необходимо собирать подобную информацию.

УШАКОВ. Хорошо, что я не литератор… Нельсон отказался признать то, что подписал его представитель. Началась расправа над пленными. Даже адмирала Караччоло повесили на рее… Старику семьдесят лет было.

ЧИНОВНИК. Знаете, почему Нельсон это сделал? Чтобы доставить удовольствие своей возлюбленной. Она, как и её подруга, ненавидит республиканцев.

УШАКОВ. Плевать!.. Я снялся с якоря и всей эскадрой пришел к Палермо… Затем внезапный бросок – и мои моряки заняли Рим. А Суворов мутузил лучших французских генералов на берегах Треббии… А затем мы оказались не нужны союзникам. Австрия и Англия решили избавиться от нас в Средиземноморье.

ЧИНОВНИК. Правда, что султан в знак благодарности прислал вам челенг?

УШАКОВ. Да, прислал. Долго мы с Василием думали, куда это перо с алмазами прикрепить. Ничего не придумали. В сундуке лежит.

ЧИНОВНИК. Это высочайшая награда Османской империи!

УШАКОВ. И что?.. Он ещё соболью шубу подарил, табакерку, украшенную алмазами, и тысячу червонцев. Кстати, султан и русских матросов не забыл: прислал им три с половиной тысячи золотых. Всем выдали, по справедливости. Остров Корфу поднёс золотой меч с алмазами. Итака и Кефалония – золотую медаль, Занте – золотой меч и серебряный щит. Василий всё по сундукам рассовал.

ЧИНОВНИК. А на Родине?.. А на Родине адмирала Ушакова ждала зависть бездарей и козни недоброжелателей. Так, Фёдор Фёдорович? (*Заходит секретарь чиновника, расставляет перед Ушаковым чайные приборы. Поклонившись, уходит*.) Угощайтесь.

УШАКОВ. Расхотелось.

ЧИНОВНИК. Пока вы там, на Средиземном море, добывали России победы, кто-то здесь, в частности, из Николаева, распространял недовольство вами… Зафиксировано… Сообщить вам, кто этот кто-то?

УШАКОВ. Не надо. Бог ему судья.

ЧИНОВНИК. Адмирал Вилим Петрович Дезин. Вы знакомы?

УШАКОВ. Никудышный флотоводец. Он у Копенгагена вморозил свою эскадру в лёд.

ЧИНОВНИК. Тем не менее, не вы, а он сейчас командует Черноморским флотом.

УШАКОВ. Я до сих пор многого не понимаю… Когда вернулись в Севастополь, меня, в благодарность, отстранили от руководства флотом. Заставили отчитываться по хозяйственным делам экспедиции на Ионические острова. Словно хотели утопить в тыловой канцелярщине. Но мы люди упорные. И это испытание прошли с честью. Ни одна собака не могла подкопаться… А затем на престол вступил Александр Первый. Ну, думаю, сейчас восторжествует справедливость. А меня назначают командовать Балтийским гребным флотом. Флотом, который не имеет никакого значения для защиты Отечества. Что это? Издевательство? Насмешка? Что это?

ЧИНОВНИК. Скажу прямо – новый император боится моря. Необходимость самого существования русского флота у него под сомнением. Слышали об Особом комитете по флоту? Знаете, кто в него вошёл? Ни одного боевого адмирала. Одни «паркетные флотоводцы» – непотопляемый Мордвинов, а также фон Дезин. Остальные такие же. Знаете, каков их вердикт? Это надо зачитать… Сейчас найду… Вот… «России быть нельзя в числе первенствующих морских держав. В том ни надобности, ни пользы не предвидится». Слова адмиралов… У русского флота тяжёлые времена.

УШАКОВ. Отчего так? Словно они враги Отечеству. Глянешь вокруг – много порядочных и умных людей. А чуть поднимешь взгляд – либо подлец, либо казнокрад. Отчего так? Есть, конечно, исключения. Вы, например. Большой чиновник теперь, а человеком остались.

ЧИНОВНИК. Нет, Фёдор Фёдорович, я тоже грешками испачкался… И в казне ручонки погреть успел, да и так – по мелочи.

УШАКОВ. Ого! Не ожидал от вас такого признания.

ЧИНОВНИК. Мы договорились – если буду врать, вы уйдете… Стараюсь держать слово.

УШАКОВ. Знать, вы не безнадёжный человек… Знаете, по прибытию эскадры, поехал представиться новому начальнику. Фон Дезин был внешне любезен, но лицо бесстрастное, даже подобия интереса к докладу не было. Я ему: «Суда имеют течь и требуют ремонта». Знаете, что сказал?

ЧИНОВНИК. Представляю. Что-то вроде: «Подайте рапорт, рассмотрим».

УШАКОВ. Да-да, почти так… Даже интонация похожа.

ЧИНОВНИК. Обычный ответ обычного равнодушного чиновника.

УШАКОВ. Я ему: «Многие мои офицеры не обеспечены жильём». А он мне…

ЧИНОВНИК. Рапорт. Нами будут приниматься во внимание только рапорты.

УШАКОВ. Поразительно! Почти слово в слово! У вас несомненный талант… И такая обида взяла. Это что же? Я теперь должен соизмерять свои действия с этаким человеком?!

ЧИНОВНИК. Фёдор Фёдорович, попробуйте варение… Это пока тайна, но вам скажу… По договору, который готовят, Ионические острова будут переданы Франции.

УШАКОВ. Как… будут переданы?

ЧИНОВНИК. Сенявину послан рескрипт: приказано вернуться в Балтийское море.

УШАКОВ. Острова передаются Наполеону?! Такие усилия. Столько русской крови… Форты, крепости, города… Всё это будет отдано? Отдано тем, от кого защищали?.. Какой странный мир. Неужели это никогда не изменится? Почему терпим подобное? Почему продолжаем терпеть?

ЧИНОВНИК. Куда теперь после отставки?

УШАКОВ. Александр всё-таки подписал моё прошение?

ЧИНОВНИК. Был удивлён, но… С полным жалованием и с правом ношения мундира.

УШАКОВ. Послужил Отечеству, теперь и… В деревню поеду, поближе к Санаксарскому монастырю. Там мой дядя похоронен, почти святой человек.

Сцена 6

Двор Санаксарского монастыря. Появляются Ушаков и отец Филарет.

ФИЛАРЕТ. Ну и печёт… Словно на сковородке. Фёдор Фёдорович, присядем в тенёк, передохнем. Гляжу, море вас закалило. Даже не вспотели.

УШАКОВ. Излишеств себе не позволяю.

ФИЛАРЕТ. Я тоже не грешу, но на таком жгучем солнце, словно масло таю… Фух, а в тенёчке хорошо… А какие у нас тут новшества? Много всего. Там – большой храм, а на кладбище возвели храм Воскресения Христова… Это — мыльня. В том сарае скарб всякий хранится. Тут квас варим. А там монахи живут… Не забыли, как ночевали у нас?

УШАКОВ. И как на мир жаловался, и как в открытую дверь войти не мог. Помню. Как давно это было. А кажется и недавно… А могилка дяди? Взглянуть бы.

ФИЛАРЕТ. Дойдём и до могилки. Там она. Чугунную оградку поставили.

УШАКОВ (*низко поклонившись*). Благодарю вас, отец Филарет.

ФИЛАРЕТ. Фёдор Фёдорович, это мой долг… Как вам в Алексеевке? Освоились?

УШАКОВ. Василий, мой денщик, всем заправляет. Всё на флотский манер. Дисциплину завёл. Крестьянам вроде нравится.

ФИЛАРЕТ. Наслышан. Мужики довольны, хвалят… А ещё говорят, что во дворе вашего дома постоянно народ всякий: убогие, странники, бывшие матросы да солдаты. И вы никому в помощи не отказываете.

УШАКОВ. А как откажешь? Даже несколько бедных дворянских вдов с детьми приезжали. Были монахи из дальних монастырей. Почему-то не к вам, а ко мне. Хотя расстояние от моей деревушки до вас невеликое. Пешочком к службе прогуливаюсь.

ФИЛАРЕТ. И вы их кормите, поите. Денежкой всегда помогаете.

УШАКОВ. Надо помогать, если такая возможность есть. А у меня есть… Правда Василий теперь их гоняет. Даже крестьян под это дело подрядил. И меня поругивает – нешто, говорит, на всех напасёшься.

ФИЛАРЕТ. А вы состоятельный человек, Фёдор Фёдорович?

УШАКОВ. Пенсия большая. Ну, и запасы имеются. Василий у меня счетами заведует. Ловко у него это получается. Но ворчит страшно.

ФИЛАРЕТ. Слышал, вы в Ярославской губернии раздали свои земли родным и близким, чтобы не ссорились. Стоимостью двести тысяч. Неужели правда?

УШАКОВ. Да, отдал. Им нужнее. А нам с Василием много не надо. Живём скромно.

ФИЛАРЕТ. И пятьсот десятин прибрежной земли для надобностей Севастополя отдали? Вот так взяли и отдали?

УШАКОВ. Да. Зачем они мне? А городу надо. Пусть растёт на радость Отечеству. Мне эти земли императрицей Екатериной дарованы были. Я лишь спокойствия и справедливости хочу, чтоб всё по-христиански.

ФИЛАРЕТ. Справедливость даже среди Божьих служителей утвердить трудно. Что о вас, мирянах, говорить… Завязался у нас спор с соседним монастырём из-за одного озерца. По справедливости, озерцо нам должно принадлежать, а они оспаривать. Дело дошло до консистории. Назначили следственную комиссию. Два года разбирались. Мы представили самые веские доказательства своего права. Но решение в их пользу. Знаете почему?

УШАКОВ. Почему?

ФИЛАРЕТ. У того монастыря оказались сильные покровители.

УШАКОВ. Сильнее Бога?

ФИЛАРЕТ. Им ежегодно тысячи рублей жертвуют. Даже из столицы присылают. Недавно им граф Разумовский четыре тысячи рублей пожаловал. А у нас что? Нет у нас таких покровителей. А нужда в деньгах постоянная. Ну, пойдёмте, Фёдор Фёдорович. Кажется отдышался. Могилку вашего дядюшки покажу. Оградка симпатичная… Что с вами?

УШАКОВ. А от меня за всё это время даже полушки не получили.

ФИЛАРЕТ. Полно вам, Фёдор Фёдорович. Опять что-то себе надумали.

УШАКОВ. Ничего не надумал!

ФИЛАРЕТ. Никак оскорбились?.. А стоит ли понапрасну душу пустяками да обидами терзать? Предлагаю продолжить осмотр, а затем в трапезную – братья для вас угощения приготовили, старались, познакомиться желают.

Сцена 7

Пруд возле Санаксарского монастыря. Василий ловит рыбу.

ВАСИЛИЙ. Ну, и времена. Нигде покоя нет. Весь дом полон ранетых да увечных. На кухне и то не укроешься. То им кипяточку, то хлебушка… Я им не нянька!.. Тише, тише. Ловись, рыбка, ловись. Это я не тебе… Понятно, что война доныне невиданная идёт. Понятно, что тяжело. А когда легко было?.. А он мне, мол, ничего не понимаю, что много людей пострадало. Надо помочь. Но не жалкими подаяниями, а иначе. А как? Молчит. И никто не знает.

Появляется Ушаков.

УШАКОВ. Ты чего тут?

ВАСИЛИЙ. И здесь покоя нет… Я, батюшка, как видишь, рыбу ловлю. Тебе ухи хочу сварить да пирогов сделать. Ну и ранетых порадовать. Уха она настроение поднимает. А с настроением и на поправку быстрее идти… А ты чего к монастырю завернул, а не домой?

УШАКОВ. С игуменом Филаретом хочу потолковать об одном богоугодном деле.

ВАСИЛИЙ. А что на вашем дворянском собрании? Опять денег просили?

УШАКОВ. Императорский манифест снова зачитали. Просили активнее собирать средства на ополчение.

ВАСИЛИЙ. Да, учудил ты, батюшка, с этим ополчением. Ох, учудил… Весь уезд об этом гудит! Бравый адмирал всем добрым соседям носы утёр.

УШАКОВ. Не ворчи. Не мог я иначе! Родина в опасности, а я копейки считать буду?!

ВАСИЛИЙ. Тихо, батюшка, тихо, рыбу распугаешь… Нешто я спорю? Молодец. Честь тебе и хвала. Только зачем две тысячи? С них бы и тысячи хватило, чтобы нос утереть.

УШАКОВ. Да не для этого я! Я от всего сердца! Я Отечеству!

ВАСИЛИЙ. Понял. Зачем кричать? Даже рыба в пруду поняла.

УШАКОВ. Говорят, Наполеон Москву взял.

ВАСИЛИЙ. Брехня… Слушай ты их больше. Они и не такое расскажут, чтобы денежек побольше в какой-нибудь фонд помощи…

УШАКОВ. А сегодня там, представь, один помещик словно в питейном заведении: «Запишите с меня пять рублёв». У Никифорова, местного предводителя, аж глаз задёргался. Вскочил да как закричит: «Как вам не стыдно!» А тот даже не понял. Стоит, глазами хлопает: «Могу семь дать. А больше не дам. Мне ещё сапоги купить надоть».

ВАСИЛИЙ. Есть люди бережливые, например, я… А есть – бессовестные. Где это видано, чтоб так над деньгами трястись, когда такая беда пришла?

УШАКОВ. Верно говоришь. Думаю, покажу-ка пример… Ну и отдал четыреста рублей.

У Василия из рук падает удочка.

ВАСИЛИЙ. Ты же заплатил две тысячи! А сейчас ещё четыреста?!

УШАКОВ. Не ворчи, Василий.

ВАСИЛИЙ. С твоим расточительством, батюшка... Этак мы по миру пойдём… Четыреста рублей! Раз и нету!.. А ещё ранетых кормить. Да и нам кушать надобно.

УШАКОВ. Сам говоришь, что ныне не то время, чтобы мелочиться.

ВАСИЛИЙ. Мелочиться не надо. Но и себя забывать негоже. Надо и себе что-то на прожитьё оставлять. А что до нас – не сильно-то мы с тобой и барствуем.

УШАКОВ. Не ворчи. Скоро пенсию должны привезти. Проживём.

ВАСИЛИЙ. В этом я уверен, проживём… Ты не думай, я тебя никому в обиду не дам. Ты нас всех тогда от чумы спас, а от нищеты я тебя, благодетель ты мой, и подавно обороню. Василий добро помнит. Мы с мужиками нашими в этот раз кож больше выделаем да в город свезём, Силантию в лавку… Ничего, батюшка, не пропадём.

УШАКОВ. Откуда у нас кожа появится? У нас не было ничего на выделку.

ВАСИЛИЙ. Теперь будет. Ты голову свою светлую такой мелочью не забивай. Ты о масштабном думай… (*Появляется отец Филарет.*) Доброго здоровья, отче.

УШАКОВ. Здравствуйте, отче. Какими судьбами?

ФИЛАРЕТ. Здравствуйте… Гляжу, бричка стоит. Думаю, ваша, не ваша. Решил подойти… А вы, Фёдор Фёдорович, сейчас из города? Что в миру слышно?

УШАКОВ. Говорят, Наполеон в Москве.

ФИЛАРЕТ. Вы простите меня, но я в это не верю. Панику хотят раздуть. Думаю, вы, как военный человек, должны понимать, что такое невозможно.

УШАКОВ. Отчего невозможно? Война – не шахматы. На войне такое может быть, чего и быть не может. Взять хотя бы Корфу. Все говорили – невозможно. Однако взяли.

ФИЛАРЕТ. Рассказывают, вы на ополчение две тысячи пожертвовали?

ВАСИЛИЙ. Однако быстро молва расходится… Две тысячи четыреста.

ФИЛАРЕТ. Дорогой друг, Фёдор Фёдорович, должен сообщить вам, что местные дворяне остались вами недовольны.

УШАКОВ. Мало пожертвовал?

ФИЛАРЕТ. Понимаю вашу иронию… Своей щедростью вы поставили их в неловкое положение перед губернским представителем.

УШАКОВ. Хотите сказать, должен был торг устроить, как некоторые?

ФИЛАРЕТ. Ну зачем так? Наши помещики немного глуповаты, прижимисты, не любят сорить деньгами. А вы своим поступком как бы им это в укор… Мало того, отказались возглавить народное ополчение.

УШАКОВ. Здоровье не позволяет. Я им сказал об этом.

ФИЛАРЕТ. Всё равно обиделись. Уже всякие небылицы о вас разносят. Люди злы… Василий, а почему ты здесь рыбу ловишь? Не подумай, я не запрещаю. Но почему у монастыря, а не у вас в деревне? У вас в Алексеевке замечательные пруды.

ВАСИЛИЙ. Прелесть, а не пруды. Это потому, что забочусь о них. Да вот беда, лещей у нас много, а окушков почти нет. А которые есть – мелкие. Не растут. А Фёдор Фёдорович окуней шибко полюбил. Вы к нам загляните как-нибудь на досуге, я ушицу варить собрался да пироги намерен на весь мир напечь. У нас теперь в доме народу тьма тьмущая, развернуться негде. И все жрать хотят. Не дом, а госпиталь.

УШАКОВ. Заворчал… Отец Филарет, хотел посоветоваться. Я у себя нескольких раненых из города временно приютил. А дом мой не очень удобен в качестве госпиталя. Мы с медикусом посоветовались и решили… Госпиталь надо в городе открыть.

ФИЛАРЕТ. Госпиталь? Это хорошо… А помещение? А деньги, чтоб лечить да кормить? По опыту знаю, ни городская, ни уездная казна денег на это богоугодное дело не даст.

ВАСИЛИЙ. А Бог даст?

ФИЛАРЕТ (*после паузы*). А сколько нужно?

УШАКОВ. Дом мы присмотрели в городе. Пока на пятьдесят коек. На первое время, медикус говорит, хватит. Если что – можно будет увеличить. Переоборудуем. Лекарства, питание, бельё и одежда для страждущих… На всё про всё – чуть более полутора тысяч.

ФИЛАРЕТ. Боже праведный! Даже если всю братию призвать на помощь, не наберём.

УШАКОВ. Я верну, как только получу пенсию.

ФИЛАРЕТ. Откажитесь, Фёдор Фёдорович! От этой затеи откажитесь! Ничего не получится. А для вас – одни душевные терзания да убытки. Пусть солдатушки чаще Господа поминают в молитвах. Бог и лекарь и утешитель. А госпиталь… Забудьте. Вы столько добрых дел сделали, что… Мой вам добрый совет, забудьте.

УШАКОВ. Поехали домой, Василий… Скажи-ка, сколько у нас с тобой денег осталось?

ВАСИЛИЙ. После твоего сегодняшнего выступления в собрании, почитай, ничего не осталось. Хотя пенсию твою на днях привезти должны. Ничего, батюшка, чуток потерпим, на запасах проживём. Поехали. Только удочку смотаю.

УШАКОВ. Мотай быстрее.

ФИЛАРЕТ. Постойте. Какой вы обидчивый. Надо посмотреть, посчитать. Бог даст, может и найдём на богоугодное дело. Сумма большая. Надо посмотреть.

УШАКОВ. Как пенсия придёт, я сразу отдам.

ФИЛАРЕТ. В вашей честности, адмирал, я не сомневаюсь.

Отец Филарет и Ушаков уходят.

ВАСИЛИЙ. Тишина и благодать… И до урожая всего ничего. Хорошо, что распорядился ржи больше посеять. Она в этом году хорошо пойдёт. И запасти поболее надо… Хватит! Думай о рыбе, Василий, думай о рыбе… Война войной, а дела выправим. А если лён не сопреет, так вообще заживём… Госпиталь. То ополчение, то госпиталь… У казны, стало быть, денег нет, а у нас, можно подумать, тыщи по углам запрятаны… Ну, не по углам, а в шкатулке, которая в сундуке… Надо будет пересчитать… Стоп! Думай о рыбе, Василий, думай о рыбе.

Появляется Ушаков, в руке свёрток, обёрнутый в тряпицу.

УШАКОВ. Вот! Полторы тысячи!

Василий вскакивает, забирает свёрток и прячет его за пазуху.

ВАСИЛИЙ. Ты что, батюшка, такие деньжищи да в руках просто так носишь. А если лихой человек какой выскочит да отнимет?!

УШАКОВ. Откуда здесь, возле монастыря разбойники?

ВАСИЛИЙ. А вдруг?.. А что ты, батюшка, так скоро обернулся? Видать у него на твоё имя расписка была заготовлена? Не может быть, чтоб так быстро документ составили.

УШАКОВ. Нет никакой расписки. На слово поверил, что отдам вскорости. Я предлагал.

ВАСИЛИЙ. Ой, пропал монастырь. Ну, какой из него настоятель? Даже расписки не потребовал за такие-то деньжищи. Пропал монастырь. И у монастырских прудов никакого догляда или охраны. Даже заборчика нет. Приходи, кто хочешь, лови, что хочешь. Никакого порядка. Поехали домой, батюшка.

УШАКОВ. А рыба?

ВАСИЛИЙ. Полное ведро. На всех хватит… А это что? Опять дырка на локте! Недели не проходит, чтобы… Где зацепиться успел? Ну, ничего, дома заштопаю.

Сцена 8

Двор возле дома Ушакова. Во дворе толпятся крестьяне – и мужики, и бабы – разодетые в экзотические наряды. Появляется Василий с двумя крестьянами в красных ливреях и в лаптях, выдаёт им пистоли.

ВАСИЛИЙ. Пистоли – за кушаки! Стоять здесь, возле самовара. Не кособочьтесь! Смотреть прямо и не моргать... Вот, молодцы! Любо-дорого!.. Да не чешись пистолем. Вдруг выстрелит… Только адмирал зайдёт, вы сразу – раз – и застыли по стойке «Смирно». Всё понятно? Хорошо… Эй, Степанида, хватит в носу ковырять! Иди сюда. Вот тебе рында. Как только адмирал на двор, сразу в рынду бей. Что смотришь? Вот рында! У тебя в руке. Колокол. Рында. Поняла? Увидела барина – сразу бей. Да не рындой! А в рынду! Одной рукой держишь, другой – за язычок. И бьёшь. Поняла? Попробуй… Хорошо… Здесь стой. Убери палец из носа. Не надо рынду соплями пачкать… Так, музыка… Где музыканты? (*Из толпы появляются крестьяне с балалайками, дудками и барабанами.*) Ага, очень хорошо. Вы вон там, на лавках разместитесь. Как дам знак, сразу что-нибудь весёлое. А затем – по обстановке. Вы люди опытные – разберётесь. Занимайте места… Так, дальше… Внимание! Французы здесь? Поднимите руки… Хорошо… Русские моряки? Так, вижу… Турки и албанцы? Так, все в сборе. Очень хорошо… Стоп! Турки! Кто так тюрбаны перьями украшает? Одно перо в один тюрбан. А у вас что?.. Я двух петухов без хвостов оставил! Не надо опахалы на голове устраивать! Так никаких петухов не хватит! Ладно, кто этих турок, кроме меня с Фёдором Фёдоровичем видел?.. Внимание! Все отряды расходятся по своим кораблям и крепостям… Как репетировали… И ждите сигнала… И не забываем палить из пушек! Но только по команде… Куда французы пошли? Как мы репетировали? Забыли?.. Часть французов идёт к тому сараю с бойницами. Пушки не забудьте. Там и будете обороняться. Второй отряд – к загону для скота. Там тоже бой будет. Вон туда, где красная тряпочка… Отлично… Русские, чего топчетесь? Ваше вон то поле рядом с турками… Все по местам!.. Приготовились!.. Ждём!

Появляются Ушаков и отец Филарет.

ВАСИЛИЙ. Для встречи воина непобедимого, адмирала флота Фёдора Фёдоровича Ушакова всем встать во фрунт!.. Свистать всех наверх!.. Ваше высокопревосходительство!

Все каюты блестят! Экипаж построен!.. Занимайте свои места, господа… Степанида! Прекрати звонить! Хватит рынду тирибонькать!.. Господа, извольте испить чаю и посмотреть представление о легендарном взятии непреступной крепости на острове Корфу. Ваши крестьяне вместе с жителями двух соседних деревень – мы все изъявили желание этим самым представлением поздравить вас с именинами.

УШАКОВ. Взятие Корфу… Не может быть.

ВАСИЛИЙ. Может. Лично руководил обучением вверенного мне состава… Степанида! Хватит реветь, дура! Не буду я отнимать у тебя рынду! Сядь вон там, рядом с оркестром… Да, господа, это оркестр. (*Музыканты кланяются.*) Это я в Петербурге, в театре подсмотрел. У них на представлении тоже музыканты играли. (*Выдает отцу Филарету и Ушакову подзорные трубы*.) Чтобы лучше видно было… Там наши боевые порядки. Там и вон там – французы... Итак начинаем! Музыка! (*Кричит в рупор*.) Эскадра! Боевая готовность!.. Там высится неприступная крепость Корфу.

ФИЛАРЕТ. Сарай?

ВАСИЛИЙ. Да, но это Корфу. Высоченный скалистый берег, а наверху – крепость… А вон там, правее, там остров Видо. Тоже укреплён. Как сказал наш адмирал — это ключ к обороне Корфу.

УШАКОВ. Да, ключ… Видо… Помню.

ФИЛАРЕТ. Это там, где загон?

ВАСИЛИЙ. Он самый. Но это Видо… И ровно в семь часов утра начался штурм этого острова… Степанида, бей в рынду!.. (*Кричит в рупор*.) Фрегаты подходят к острову и начинают обстрел вражеских батарей… Бейте! Громче бейте! Русские и турецкие корабли, не мешайте друг другу! Не толкайтесь! Бейте по французам! (*Слышны звуки «обстрела»*.) Хотел купить настоящую пушку, но такую цену заломили, что и не надо. Решили по-простому, смастерили деревянные. А выстрелы – это колотушками по тазам да ведрам. А ещё вон металлические листы приспособили. И звук похож, если пофантазировать немного. (*Кричит в рупор*.) После четырёхчасового обстрела были подавлены все батареи острова… Хватит в них дёрн бросать! Они перестали сопротивляться!.. В одиннадцать часов на Видо с двух сторон был высажен десант числом более двух тысяч человек… Десант пошёл!.. Вы откуда здесь?

По двору с криками «Ура!» проносится толпа «турок» и «русских».

ВАСИЛИЙ. Не туда! Десант не туда пошёл! Не туда воюете! К загону!

Толпа «турок» и «русских» с криками «Ура!» проносится в обратную сторону.

ВАСИЛИЙ. После двухчасового боя остров был взят… Теперь русские батареи начали обстрел Корфу ещё и с захваченного острова.

УШАКОВ. С освобождённого.

ВАСИЛИЙ. С освобождённого острова… Батареи острова, огонь по сараю!.. Тьфу ты! По острову Корфу!.. Отряд албанцев начал штурм бастиона Святого Рока.

По двору с криками «Ура!» пробегает группа цыган с медведем и лестницей.

ВАСИЛИЙ. Зачем в хлев? Не надо в хлев! Стоять, албанцы! Вам к сараю! На штурм! К сараю!

Группа цыган с медведем и с лестницей с криками «Ура!» пробегает в обратную сторону.

ВАСИЛИЙ. Им навстречу выскочили французы! Несметное число! Хотели атаковать!.. Французы, не спать! Атакуйте!

УШАКОВ. Что-то я контратаки не припоминаю.

ВАСИЛИЙ. Было-было. Запамятовал, батюшка. (*Кричит в рупор*.) Но французы отступили. Они даже взорвали пороховые погреба… Взрыв! Взрыв погребов!.. И тут наши богатыри врываются на плечах отступавших в бастион! Молодцы! Через полчаса жесточайшей схватки – бастион наш! Затем выкинули белый флаг над крепостью… Белый флаг! Французы, белый флаг! Сдавайтесь! Французы, сдавайтесь! (*Слышен крик: «Русские не сдаются!»*) Вы сейчас не русские! Вы французы! Сдавайтесь!.. Корфу пора брать да за столы садиться!.. Дальше хотели поджечь сарай для зрелищности. Но я не позволил. Представьте, что он горит… Всё!

Ушаков и отец Филарет аплодируют.

УШАКОВ. А медведь там зачем?

ВАСИЛИЙ. Я на роли албанцев с цыганами договорился. А они без медведя никуда… А теперь пир в твою честь, Фёдор Фёдорович. (*Во дворе собирается толпа русских, «турок», «французов» и «албанцев». Все улыбаются и кланяются Ушакову.*) Ты прости нас, Фёдор Фёдорович, если что не так. Мы старались.

УШАКОВ (*поклонившись*). Спасибо вам, братцы, порадовали старика! Благодарю!

Сцена 9

Пруд возле дома Ушакова. Вечер. Отец Филарет, Василий и Ушаков сидят на берегу и ловят рыбу. Рядом горит костёр.

ВАСИЛИЙ. Сейчас рыбки наловим. Поджарим. Картошечку в углях испечём. А потом с сольцой её… Как в детстве.

ФИЛАРЕТ. Тысячу лет так спокойно не сидел… Уютно, как у Христа за пазухой.

ВАСИЛИЙ. Звёзды… А тепло, да?.. Благодать.

УШАКОВ. Это не звёзды. Это Бог в своём храме свечи зажёг… Для нас… Оказывается, Он всегда рядом был… Вот оглянулся на свою жизнь и знаете, что понял?.. Важно верить

Богу, доверять Ему, когда даёт тебе испытания… Он дал, Он и поможет… Вот думаю, если не доверился бы тогда Ему, смог бы Корфу взять? Вряд ли. Никто до нас таких крепостей с моря не брал. А я был уверен. Понимаете? Уверен… И всё думал, думал… Даже не заметил, как молиться начал… И вдруг – раз – так всё ясно и просто стало. И такая уверенность в победе, как при Калиакрии… И когда объявили, что Наполеон напал, тогда и слова эти из сердца вырвались: «Не отчаивайтесь! Сии грозные бури обратятся к славе России!» Как ты, Василий, говоришь, чего унывать-то. С Божьей помощью всё преодолеем… Кажись, клюёт.

Сцена 10

Санаксарский монастырь. Возле могилы Ушакова стоят Василий и отец Филарет.

ВАСИЛИЙ. Можно я ему сыграю? Я обещал. Плясовую на балалайке… Не успел.

ФИЛАРЕТ. Да что ты, Василий? Конечно, нельзя… У могилы… В монастыре… Да на балалайке. Вот если на величественном органе, как в Европе… Или на благородной арфе, как в дворянском собрании в городе… Арфа – другое дело. Это красиво. Степенно. А ты к могиле с балалайкой, прости, Господи!

ВАСИЛИЙ. Арфа… И как мне её сюда, такую дурищу, притащить? Она большая, тяжёлая. Видел я эту арфу. Да и не дадут мне. Даже для моего адмирала не дадут. Да и не умею я на ней тренькать... Пробовал. Только покойничков рассмешу… А вот на балалайке умею.

ФИЛАРЕТ. На балалайке – не мудрено. Всего три струны. На арфе их гораздо больше. На балалайке и я когда-то стрекотал. Одной особе это даже нравилось… Давно это было.

ВАСИЛИЙ. У нас с адмиралом в хозяйстве флейта осталась. Фёдор Фёдорович любил в неё посвистеть. Такой грусти нагонит, хоть плачь. А чего грустить-то? Уныние – грех. То ли дело вот – инструмент. И вроде ничего сложного. Одним словом – балалайка. А сколько задора да веселья в неё Бог вложил. Бывало, как вжаришь – так ноги сами в пляс. А ему так ни разу и не сыграл. Не успел. А он просил. Сыграй, говорит, Василий, порадуй душу. А у меня всё дела какие-то. По хозяйству всё. Позже, говорю, вжарю… Всё дела… Всё некогда… Так и не услышал от меня плясовую.

ФИЛАРЕТ. Да, уныние – грех. (*пауза*) А знаешь, Василий? Ну-ка вжарь! Да так вжарь, чтоб на небесах ангелы в пляс пошли! Ну, что застыл? Вжарь, говорю! Чтоб наш адмирал там улыбнулся! Для него можно. Его там любят.

… И Василий от всей своей широкой души так задорно заиграл на балалайке, что, казалось, крылатым ребятам на небесах это понравилось… И даже Бог улыбнулся.

Занавес.

Москва, май 2024 года